Священная ложь

Автор:
Стефани Оукс

Священная ложь

Стефани Оукс

Young Adult. Что скрывает ложь. Триллеры

Жестокая и обнадеживающая история об опасностях слепой веры и силе веры в себя.

Кевинианский культ отнял у семнадцатилетней Минноу Блай все: двенадцать лет ее жизни, ее семью, ее способность доверять. А когда она взбунтовалась, отнял и ее руки. Но теперь Пророк погиб, а Община сожжена дотла. Окровавленная и истерзанная Минноу – основная свидетельница происшествия – оказывается в тюрьме для несовершеннолетних. Ее саму и ее близких подозревают в многочисленных преступлениях. Минноу вынуждена забыть все, чему ее учили в Общине, чтобы выжить за решеткой. ФБР предлагает девушке сделку: долгожданная свобода в обмен на честный рассказ о той ночи. Но она никогда и ни за что не скажет всей правды о смерти Пророка. Что же скрывает Минноу Блай?

Великолепно написанный, захватывающий и пронизанный искорками неожиданного юмора, этот шокирующий дебют идеально подходит для почитателей книг Эмили Мердок «Если ты найдешь меня» и Новы Рен Сума «Стены вокруг нас», а также для поклонников сериала Orange is the New Black.

Стефани Оукс

Священная ложь

Посвящается матери, которая научила меня быть сильной, и всем безруким девочкам, которые учатся сами.

Глава 1

Я стою вся в крови.

А он валяется у моих ног. Избитый до полусмерти. Ботинки испачкала. Хочу видеть его глаза, но они закрыты, прячутся под бледными веками.

Изо рта густыми белыми клубами вырывается дыхание. С каждым вдохом все отчетливей приходит осознание, что так, видимо, и должен чувствовать себя человек, который владеет чьим-то телом или душой.

Наверное, так чувствовал себя Пророк, когда велел отнять у меня руки.

Наверху по мосту с металлическим лязгом несется машина. В желтом свете фонарей падают снежинки размером с ноготь. В темном небе мерцают одинокие звезды. Хорошо бы положить снежинку на ладонь… маленькая, я часто так делала. Только мне уже не пять лет, и рук у меня больше нет. Та девочка считай что умерла.

Я сажусь в сугроб на корточки и гляжу, как самый красный цвет на земле понемногу зарастает льдистой коркой. Становится вдруг очень холодно. Холоднее, чем в самый морозный день. Холоднее, чем когда-либо в жизни.

Глава 2

Подъезжают полицейские. Белесые размытые фигуры – призраки, затянутые в тугую синюю униформу. Лиц не разобрать. Порой я выхватываю из темноты то

нос, то глаза, но черты тут же размываются, и лишь хриплые голоса дерут рассветную дымку. Изувеченного юношу запихивают в машину «Скорой помощи», и та с визгом уносится.

Полицейские хотят надеть мне наручники… не выходит. Я прикусываю губу – металл больно царапает тонкую розовую кожицу.

– Нам обязательно ее заковывать? – ворчит один коп.

– Ты видел, что она сделала? – отвечает второй. – Парня будто катком переехали.

– А ее ты видел?

Да, посмотрите на меня. На руки, скрещенные на животе, – а на концах у них ни ногтей, ни пальцев, ни кулаков, ни кистей. Мне нечем дать отпор. Полицейские пялятся на штаны и драную рубаху, которые дал Джуд. Одежда до самого верха заляпана кровью.

В конце концов мне сцепляют наручниками локти, едва не вывернув их из суставов. Но я не жалуюсь. Я вообще молчу. Наговорила в своей жизни уже больше положенного.

Глава 3

Город я впервые вижу из окна патрульной машины. Гляжу сквозь залапанное пальцами стекло, как солнце выглядывает из-за усыпанных снегом домов.

– Молись, чтобы он выжил, – говорит один полицейский, и я снова вижу перед собой парня с расквашенным лицом и выбитыми зубами.

В крови до сих пор гудит адреналин.

* * *

В полицейском участке деревянные стены и грязная плитка. А еще пахнет горелым кофе.

Там обсуждают, как лучше снять у меня отпечатки пальцев.

– Без них нельзя. Как потом ее опознать?

Они с легкостью рассуждают о том, что мучает меня уже несколько месяцев, хотя я не смею признаться в этом вслух. Один начинает листать инструкцию – может, в ней что упоминается на сей счет, – другой засовывает каждый мой обрубок в чернильницу и прижимает к бумаге. Там остаются два кривых черных отпечатка.

– Наверное, в этом случае достаточно анализа ДНК, – говорит первый, отрывая взгляд от инструкции. Порывшись в ящике стола, достает клочок ваты, разматывает ее и сует мне под нос. – Плюй.

– Зачем вам мои слюни?

– Плюй, сказал!

Я собираю во рту всю влагу, что есть, и роняю на ватный комок. Полицейский упаковывает его в пластиковую коробочку с крышкой и кладет на край стола.

Вспышка фотоаппарата ярче любого костра; я закрываю лицо культями. Меня чуть ли не волоком тащат в соседнюю смотровую. Приоткрыв веки, вижу перед собой застеленную кушетку со стременами возле кафельной стены. Рядом поднос с щипцами и плоским белым держателем. Темноволосая женщина берет меня за плечо и подталкивает к кушетке.

Я артачусь.

– Не переживай, – говорит та. – Это обычная для таких дел процедура.

Женщина опускает голову набок, и я вижу себя ее глазами: тощую, грязную, без рук, в одежде, пропахшей кровью.

– М-мне это не надо, – говорю я, старательно отворачиваясь от кушетки. – Ничего такого не было.

– Точно? – спрашивает та.

Под ее липким взглядом ужасно хочется чесаться. Внезапно разозлившись, я киваю.

Ей нужно сфотографировать мои синяки, поэтому она подводит меня к пластиковому ящику с одеждой мутно-грязного цвета, как вода для мытья посуды, и велит выбрать нижнее белье. Я достаю бежевые трусы. Они, конечно, стираные, но каким-то чудом еще хранят формы тех девушек, которые бывали здесь раньше.

За синей хрустящей занавеской с меня стаскивают брюки и рубашку, оставив голышом и босиком на кафельном полу. Никогда себя такой не видела – белой и с подтеками крови на коже. Не моей, хотя женщина этого не знает.

Они так и не сказали, умер тот юноша из-под моста или нет.

Женщина натягивает на меня трусы и надевает на грудь лифчик. Я невольно дергаю плечами – резинки непривычно давят. Она поднимает мои брюки, и на пол с глухим стуком вываливается содержимое кармана. Мумифицированная рука, суставы которой обмотаны золотой проволокой.

– Это еще что?! – ахает женщина.

Я поднимаю обрубок и показываю ей.

Она роняет челюсть. Даже морщины вмиг разглаживаются. Затем, опомнившись, женщина тут же нацепляет прежнюю маску равнодушия, совсем как люди в Общине, узревшие очередное зверство. Обычно мы старались не смотреть. Всегда находились дела поважнее: доить коров, готовить ужин, успокоить младенца, ором зовущего кого-нибудь из своих матерей…

Женщина залезает в другой карман, вытаскивает вторую руку и кладет обе на блестящий поднос.

– Мне их потом вернут?

Она снова искоса на меня глядит.

– Нет. Ни в коем случае.

– Почему?

– Это человеческие останки. Есть правила. – Она откашливается. – Их будут хранить как вещественные доказательства, а потом, когда надобность отпадет, утилизируют.

– То есть сожгут?! – Я давлюсь воздухом. Только не это! Так нельзя! Это же мои руки! Отдайте!

Я лезу мимо нее, чтобы их забрать.

Женщина сжимает пальцы в кулак и упирается мне в грудь.

– Не вынуждай меня применять силу.

Кожа вокруг губ у нее идет тонкими глубокими складками. Видя, что я больше не брыкаюсь, она берет поднос и выходит из смотровой. Когда возвращается, поднос уже пуст.

И тогда я понимаю, что не только Пророк способен отнять у девочки руки.

Глава 4

Когда меня снова выводят к патрульной машине, за рулем и на пассажирском сиденье уже сидят двое полицейских с сонными глазами. Они с громким хрустом жуют что-то незнакомое из яркого пакета. Держат его бережно, словно боятся сломать. А доев, сминают пакет с противным скрежетом и бросают прямиком на землю. Мы едем по заснеженным улицам к большому белому зданию – больнице,

как мне сказали.

Там в смотровой доктор велит показать руки, но я прячу их за спиной, и одному из полицейских приходится силой вытянуть мои культи под яркую лампу.

Доктор заметно мрачнеет. Обрубки до сих пор измазаны чернилами.

Меня укладывают спать и разрезают культи крохотными ножами, потом обматывают руки ярко-белыми бинтами, обещая в следующий раз зачем-то взять немного кожи с ноги. Затем, несколько дней спустя, меня снова режут, предварительно усыпив лекарствами из пластикового мешка с трубками.

Далеко не сразу я понимаю, что новые руки мне все-таки не сделают. Не получится, втолковывает врач, будто глупой, а я отворачиваюсь, глядя в стену горящими глазами.

Маленькой я верила в чудеса. Теперь, наверное, уже нет.

* * *

Утром приходит женщина в сиреневом костюме. Она бросает портфель на линолеум в больничной палате и называется моим общественным защитником. Садится на краешек кровати и украдкой поглядывает на замотанные бинтом культи. Я под одеялом немного сдвигаю ноги, освобождая ей место.

– Меня зовут Хуанита, – сообщает адвокат. – А ты, видимо, и есть та самая Минноу Блай?

Я смотрю на нее краешком глаза.

– Я буду представлять твои интересы в суде. Следить, чтобы ты получала все необходимое, пока не перейдешь на следующий этап.

– Какой еще следующий этап? – спрашиваю я. – Тюрьма?

Про тюрьму я слышала. По словам Пророка, там полным-полно страшных людей, таких жутких, что даже язычники их боятся. Падших ангелов и еретиков, способных убить одним касанием.

Хуанита невесело улыбается.

– Давай не будем переживать раньше времени.

Она выводит меня на прогулку по больничному коридору. Я плохо чувствую под собой пол в мягких тапочках, которые выдали взамен украденных ботинок, и грудь уже на десятом шаге начинает гореть огнем. Не знаю, почему легкие не могут дышать. Из-за крови? Дыма? Или чего похуже?

Хуанита предлагает поддержать меня за локоть, но я качаю головой. Вместо этого приваливаюсь боком к стене возле большого пластикового окна, бережно выставив перед собой шарики из бинтов. В груди горит, руки трясутся. Снаружи, вдалеке, грязным облаком парит пепел. Словно над райскими кущами, куда больше никто не захочет попасть.

– Вот и все, что осталось от Общины, – говорит Хуанита. – Огонь уже потушили, но ветра зимой почти не бывает, поэтому дым развеется не скоро. Он тянется на много миль. Говорят, пропадет не раньше чем через месяц.

– А там… что-нибудь слышно про погибших? – спрашиваю я.

Хуанита поворачивается ко мне лицом.

– Пока нашли два тела, но все засыпано снегом. Продолжают поиски.

– Пойдемте, – говорю я.

И отталкиваюсь от стены, хотя легкие до сих пор горят огнем.

* * *

Медсестры дают мне морфин, и дни текут один за другим. Я замечаю у двери тень полицейского, сторожащего палату. Хорошо, что он такой здоровяк. Мне часто вспоминаются Пророк с топором и кулаки озверевшей толпы, но, глянув на синее плечо за дверью, я быстро успокаиваюсь. Знаю: он сторожит меня, чтобы я не сбежала, однако, наверное, не только – еще и бережет от того, что снаружи.

Приходит физиотерапевт, чтобы научить меня жить без рук.

– Сперва будет очень трудно, – предупреждает она. – Возможно, сперва без чужой помощи ты не сможешь, но вскоре освоишься.

Она кладет на пол спортивные штаны и учит меня медленно натягивать их культями. Руки из-за бинтов толстые, каждое движение отзывается болью в костях, я с трудом затаскиваю пояс на угловатые бедра.

Врач говорит, что, когда швы заживут, мышцы иссохнут и станут тонкими. Тоньше, чем запястья. Будут работать как большие пальцы. И я даже забуду, что когда-то у меня были руки.

Глава 5

Хуанита приходит ко мне в палату, когда я завтракаю – доедаю кашу с тонкими ломтиками клубники. Она говорит, что прошло уже три недели со дня моего ареста и настала пора действовать. Я спрашиваю, что это значит, и она вываливает из пакета на кровать гору одежды. Фабричной, окрашенной в неестественные цвета, каких нет в природе. Я упрямо качаю головой.

– Тогда попроси кого-нибудь, чтобы это постирали. Носишь вещи с самого ареста…

Она тычет пальцем в мою рубашку. Та, что Джуда. Он дал мне рубашку, когда я оказалась у него в хижине после того, как потеряла руки. Воняет, конечно, я и сама чувствую, но забрать не позволю. Это единственное, что от него осталось.

Я обхватываю себя руками и кивком указываю на гору одежды.

– Это зачем?

– Для суда.

Там несколько потрепанных костюмов, вылинявших от частых стирок, и пара платьев, бежевых и серых, безжизненных на вид. Хуанита поднимает их по очереди и прикладывает ко мне.

– Не хочу платье, – бормочу я.

– Все так говорят.

Платья мне ужасно велики. Хуанита выбирает непрозрачную блузку, чтобы я могла поддеть под нее рубашку Джуда, и юбку до колена. Потом затягивает чуть выше талии ремень.

* * *

В день суда на улице светло и сухо, а у меня, когда мы выезжаем со стоянки, идет носом кровь. Я не успеваю и слова сказать, как та уже течет по подбородку. Хуанита прижимает мне к лицу салфетку. Я, сама не зная почему, плачу. Теплые слезы медленно и почти беззвучно впитываются в ткань. Я всегда так плакала в Общине – чуть слышно, чтобы никто не заметил.

Прокурор в суде кидает громкие фразы: «сильно изувечен», «брошен на произвол судьбы», «ни малейших угрызений совести». Отчаянно жестикулируя, он указывает на пробковую доску, где прилеплены доказательства – рентгеновские снимки, на которых видны трещина в черепе вдоль нижней челюсти и темно-синее пятно на месте расплющенной, точно мандарин, селезенки.

Я оглядываюсь через плечо туда, где с отцом сидит Филип Ланкастер в слишком широком для него костюме. Глаза у парня сегодня ясные, в них нет бешенства, как в ту ночь. Правда, он нервно переставляет ноги, скрипя по полу резиновыми подошвами, и барабанит по коленям.

– Господа присяжные, – начинает Хуанита, когда наступает ее черед. – Факты этого дела неопровержимы. Молодой человек с психическим расстройством напал на юную девушку, которая менее суток назад лишилась дома. Девушку, которая годами подвергалась насилию. Моя клиентка действовала исключительно в целях самообороны, и все доказательства, предъявленные вам в ходе процесса, подтвердят ее невиновность.

Я гляжу на зрителей, сидящих на полированных деревянных скамьях, и вижу, как Филип под пиджаком прижимает к животу руку в том самом месте, куда я от души его пинала. Передние зубы торчат изо рта, обмотанные проволокой.

Шагая к трибуне, Филип смотрит на меня сверху вниз, и я заглядываю ему в глаза. В свете ламп из зала суда они выглядят совершенно обычными. Ничем не примечательными. На цвет как сельдерей.

Парень как парень.

Глаза у меня вмиг застилает слезами, и я громко плачу, свернувшись пополам и почти уткнувшись носом в густо навощенный стол.

Хуанита оглядывается.

– Минноу, тебе это не поможет, – строго шепчет она. – Судью слезами не растрогать.

Я мотаю головой, потому что вдруг осознаю свой промах. Я ошиблась, поддалась иллюзиям. И передо мной вживую стоит доказательство моей вины:
в начищенных туфлях, с синяками и нормальными, человеческими глазами.

Глава 6

Проходит несколько бесконечных недель судебных заседаний, допросов и гудящего молчания вперемешку с минутами чистого ужаса. Наконец судья объявляет, что присяжным настала пора совещаться. Хуанита ведет меня в маленькую комнату, где предстоит ждать их решения.

Я сажусь на кожаный стул. Хуанита выдавливает очередную безрадостную улыбку. Уверять, что все хорошо, она не станет – это ведь совсем не так.

Через десять минут она выходит позвонить, и я остаюсь одна. Оглядываю комнату. Потолочный вентилятор, заросший пылью. Маленький торговый аппарат в углу, где за стеклом лежат ряды цветных упаковок. Горшочек с бурыми фиалками, только они почему-то совсем не пахнут – их перебивает вонь лака, которым покрыты полы, и чистящего средства из коробки под раковиной.

Отворяется дверь, и заходит мужчина. Я вздрагиваю. Он полицейский – точно знаю, повидала их на своем веку немало. Впрочем, на остальных он не похож: носит очки, костюм в «елочку», и взгляд у него на удивление мягкий, будто он украдкой подмигивает.

Мужчина кивает мне и, шаркая кожаными подошвами, подходит к торговому аппарату. Долго изучает содержимое, словно принимая самое важное решение в жизни. Медленно вставляет три монетки, поворачивает ручку и достает завернутый в желтую бумагу длинный пакетик. Разрывает обертку. Внутри разноцветные конфеты, выложенные в ряд, точно зубы в челюсти. Мужчина разворачивает одну, закидывает в рот и принимается жевать, боком привалившись к автомату, будто находится в комнате совершенно один.

Наверное, стоит отвернуться, но я не могу: любой незнакомец по-прежнему вызывает трепет. Слишком долго я прожила в уединении, когда меня окружали лишь несколько десятков обожженных ветром душ. Я впитываю каждую деталь его образа: то, как он двигает челюстями, как блестит золотое обручальное кольцо на его пальце, как веером расходятся на лбу морщины, – читаю его, как другие читают книги.

А заодно хоть немного отвлекаюсь от того, что происходит в соседней комнате, где обсуждают, какая я дрянь.

Мужчина поворачивается ко мне.

– Хочешь «Старбёрст»? – Он держит между большим и указательным пальцами розовый кубик.

Очень хочу. Однако я пожимаю плечами.

– Мне его не развернуть.

Мужчина в ответ неожиданно улыбается.

– Уверена? – говорит он, кладя конфетку передо мной на кофейный столик. – Возможно, ты куда более талантлива, чем думаешь.

Остальные конфеты ссыпает в карман и идет к дверям, бросив напоследок:

– Ладно, до встречи.

Я гляжу на розовый кубик, лежащий на коричневом столе. Знаю ведь, что не смогу его развернуть. Для этого нужны ногти. Большой палец.

Сглатываю слюну и наклоняюсь. Беру конфету в рот. Нижними зубами вожу по обертке, пока та не разматывается и не удается подцепить ее языком. Выплевываю бумажку на стол, а конфету прижимаю к небу. Челюсть вмиг сводит, а глаза застилают слезы. Ничего вкуснее я не пробовала с пяти лет. «Старбёрст» – просто чудо!

Я все еще жую ириску, когда Хуанита возвращает меня в зал суда. Там я опять вижу мужчину с конфетами – он сидит в заднем ряду, мерно двигая челюстью. Судья зачитывает приговор. Виновна. Шесть лет с возможностью условно-досрочного освобождения в день совершеннолетия. Судья добавляет, что, если в месте лишения свободы я не буду вести себя идеально и не получу рекомендации, условно-досрочного мне не видать.

Я снова еду в полицейской машине. На сей раз в исправительную колонию для несовершеннолетних округа Миссула.

Глава 7

Как надеть наручники девочке без рук?

Ответ очевиден. Есть один человек, его зовут Эрли. По крайней мере, так он представился, когда мы приехали к белому зданию, где живут все несовершеннолетние преступницы. Эрли ждет меня в комнате с глухими стенами. У него длинная измерительная лента и полный рот щербатых зубов.

Работа Эрли, по его словам, заключается в том, чтобы создавать всевозможные приспособления для удержания преступников в исправительных учреждениях города Миссула. Только не подумайте, что это полноценная работа – много ли калек сидит за решеткой? Эрли рассказывает, что концы с концами он сводит по-всякому: мастерит ловушки на лис для охотников, меняет носилки, на которых делают смертельные инъекции тучным заключенным; однажды даже сплел серебряное ожерелье для шестнадцатилетней дочери коменданта.

На вид он странный. Как старый гном: нос крючком, из ушей торчат черные волосы, а в переднем зубе слева круглая дырка. Он болтает со мной не умолкая, но я не спрашиваю, откуда щербина, хоть и интересно.

Эрли достает желтую измерительную ленту и обматывает вокруг моего локтя. Я вздрагиваю.

– Не бойся, – говорит он тихонько, как пугливому зверьку. – Никто тебя не тронет.

Хочется сказать, что у меня есть немало причин для страха – всех и не сосчитать. Однако я молча стискиваю зубы.

* * *

Колония для несовершеннолетних – это облезлое здание, обшитое жестью; бывшая школа, которую переделали под тюрьму. Все окна в большом спортивном зале заложили кирпичом, а внутри в три этажа поставили маленькие стальные клетушки.

Стоит пройти в дверь, как меня окружает гомон – девичьи голоса, шорохи, лязг металла. Пахнет потными телами.

Надзирательница по имени Бенни ведет меня в комнату, выложенную белым кафелем. Снимает с моих локтей защелки-наручники, и я с облегчением встряхиваю руками. Бенни очень крупная и смуглая, почти как Джуд; ей хочется верить, даже когда она говорит, что в этом странном помещении надо раздеться догола.

– Мы делим вещи на две части, – поясняет Бенни. – Что сохранить, а что выкинуть. Всякие драгоценности или сувениры обычно оставляют.

Черная камера в углу следит, как Бенни ловко снимает с меня пояс, стягивающий юбку, и расстегивает пуговицы на блузке. Я остаюсь в рубашке Джуда. Та совсем истрепалась; от нее, считай, одни дыры.

– Выбрасываем? – спрашивает Бенни.

Я трясу головой.

– Оставляем.

Она удивленно вскидывает бровь, но все-таки кладет рубашку в кучку с остальной одеждой.

Затем вытряхивает из пакета жесткий оранжевый комбинезон. Помогает мне влезть в него, застегивает пуговицы, расправляет плечи. Дает пару ботинок на липучках и глядит, как я неуклюже запихиваю в них ноги.

Под конец Бенни распускает узел на ленте, держащей мои волосы, и пряди медленно расползаются по плечам.

– Тебя бы подстричь, – хмыкает она. – Здесь только мешаться будут.

– В Общине не стригутся, – говорю я.

– Ну, ты же больше не в Общине.

Мы выходим из комнаты и идем по длинному коридору до тяжелой двери, обмазанной толстым слоем белой краски.

– Это твои последние шаги на свободе, – сообщает Бенни. – Готова к тому, что там, внутри?

Я пожимаю плечами.

– Наше заведение – одно такое на округу, поэтому девочки здесь сидят разные, – поясняет Бенни. – Всем заключенным еще нет восемнадцати, но кого-то судили по детской статье, а кого-то, как тебя, – по взрослой. Когда тебе исполнится восемнадцать, тебя или выпустят, или переведут в тюрьму для взрослых преступников. Понимаешь, что это значит?

Я качаю головой.

– Здесь сидят девочки, которые убивали. И будут убивать снова. Так что… – Она косится на мои культи. – Ты уж поосторожнее. Не хотелось бы соскребать тебя с пола.

* * *

Бенни ведет меня по железным лестницам на третий этаж. Я иду мимо камер, к решеткам которых прижимаются бледные овалы лиц, а вслед несутся громкие возгласы и уханье.

– Мы поселим тебя в Городе ангелов, – сообщает Бенни.

– Это где?

Бенни останавливается и говорит что-то по рации другим охранникам. Дверь перед нами громко жужжит и отползает в сторону.

Посмотрев на меня, Бенни добавляет:

– На твоем месте я бы с ней подружилась.

Твердой рукой она толкает меня в камеру. Дверь с металлическим лязгом хлопает за спиной. Я оглядываюсь, однако Бенни уже не видать.

На верхней койке лежит девушка в таком же оранжевом комбинезоне. Она не обращает на меня внимания, читает книгу с какими-то звездами на обложке.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я.

Та поднимает глаза – светло-голубые и острые.

– Энджел.

О, так вот почему Город ангелов… Про ангелов я знаю. Порой они говорят с кевинианцами, шепчут нам на ухо всякое и заставляют вытворять жуткие вещи. У них нет волос, они бесполые и ростом с небольшой дом.

Я обхватываю себя руками, прижимаюсь к бетонной стене и сползаю по ней на пол. Энджел ковыряет книжный корешок ногтями, раскрашенными ярко-желтым лаком.

– Дай-ка угадаю. – Она на секунду опускает взгляд. – Мелкая кража?

Я вскидываю голову.

– Что?

– Тебя загребли за кражу. Ты тощая, значит, воровала еду. Зубы все на месте, так что вряд ли сидишь на наркотиках.

Я качаю головой.

– Нападение при отягчающих обстоятельствах.

Та тихонько фыркает.

– Ага, конечно.

– Думаешь, я не могла? – спрашиваю я.

– Такая дохлячка? У меня один ботинок весит больше тебя.

– Чтобы избить кого-нибудь, много сил не надо.

– Такими руками? – уточняет она, стараясь не глазеть на мои культи.

Бинты с пластырем уже сняли, и из рукавов торчат тонкие багровые обрубки.

– А что с ними не так? – спрашиваю я.

– Я просто хочу сказать, что ты не похожа на убийцу. Блин, считай это комплиментом!

Отец как-то говорил, что боль можно причинить одним-единственным неосторожным словом. Достаточно лишь языка или руки, способной вывести буквы, чтобы нанести непоправимый вред.

– И как тому парню, сильно досталось? – интересуется Энджел.

– С чего ты решила, что это был именно парень?

– Судя по твоему виду, отношения с мужиками у тебя не складываются.

Я через силу сглатываю. Надо бы сказать про Филипа Ланкастера, но тогда придется назвать его по имени.

– Не хочу о нем говорить.

Энджел пожимает плечами и снова берется за книгу.

– А ты здесь за что? – спрашиваю я.

– Как и ты, наверное… Хотела убить парня. Правда, в отличие от тебя, мне это удалось.

– Правда?

Энджел изображает безразличие, но ее выдает хмурая гримаса: над бровями проступают глубокие складки. Нос со лбом щедро усеяны веснушками, однако наивной девочкой она не выглядит. На голове в проборе грязных светлых косичек проглядывает блеклая кожа.

– Меня не стали бы сажать в одну камеру с убийцей, – говорю я.

– Кто сказал, что это было убийство?

– А что же тогда?

– Самооборона. Правда, мне не очень-то поверили. Мой дядька считался добропорядочным гражданином, а я – не таким уж невинным ангелочком. Да и вообще, тюрьмы переполнены, так что они запросто посадят маньяка рядом с магазинным воришкой, лишь бы сэкономить деньги.

– Тебе откуда знать?

– Да всем известно, в кого пальцем ни ткни. Тут половина моего класса пересидела. Попасть сюда – все равно что побывать на встрече выпускников. – Она с интересом глядит на меня. – А ты в какой школе училась?

– Ни в какой.

– На дому, что ли?

– Нет, просто… Я вообще не ходила в школу. Жила в национальном парке. За Альбертоном. К югу от Синдирелл-Рок.

В больнице одна медсестра приносила мне карту и показывала, где мы жили.

Энджел таращит глаза.

– Там же нет людей. В этих дебрях живут одни гризли.

– Гризли нас не трогали. Они не любят шума.

– Из людей там одни шизанутые фрики, которые ненавидят правительство и заводят себе гаремы…

Я опускаю голову.

– Ты что, из этих?! Из той секты? – Энджел подскакивает. – Охренеть, я видела про вас репортаж по телевизору! Про то, что вы живете в норах и бегаете по лесу голышом…

– Прямо так и показывали?

– Ну, почти… У вас правда не было водопровода?

– И электричества тоже.

– С какой стати вы вообще уехали в эту глушь?

– Так родители решили, меня не спрашивали. Мне было пять лет, когда мы основали Общину.

– Но зачем?

– Из-за Пророка… – начинаю я и замолкаю, не зная, что говорить дальше.

Нелегко распутать клубок последних двенадцати лет, прошедших с того дня, как Пророк впервые объявился у нас в трейлере, чтобы с тех пор нераздельно обитать в нашей жизни. Он убедил нас, будто мы святые. Кто бы мог поверить, что это вовсе не так?

– А, ясно… – Энджел кивает. – Твой папаня, видать, двинулся на почве религии. И всю семью заодно подсадил. Обычное дело.

– Правда? – удивляюсь я.

– Само собой. Мои предки тоже помешаны на вере. Меня всю жизнь таскали в церковь.

Раздается негромкий сигнал. Энджел спрыгивает с койки. Из коридора доносятся жужжание открываемых дверей и шаги по решетчатому полу.

– Что это значит?

– Обед.

Наша дверь открывается последней, и только сейчас я понимаю, как много здесь на самом деле заключенных. Перед нами, держась на расстоянии в полтора метра, по двое шагают девушки в оранжевых комбинезонах.

Тюрьма распахивает металлическую пасть и изрыгает своих узниц в паломничество.

Глава 8

Когда утром зажигается свет, я, шатаясь, сползаю с койки и бреду вслед за Энджел в столовую, где меня ждет жидкая овсянка в синем пластиковом стаканчике; ее приходится вливать себе в рот, запрокидывая голову. Девочки с шумом собирают книги с тетрадками и отправляются на учебу, а я одна возвращаюсь в камеру. В конце коридора стоит надзирательница, наблюдающая за каждым моим шагом, но я украдкой все-таки выглядываю в крохотное окно, забранное решеткой. В стекле отражается мое лицо: запавшие глаза и волосы, рассыпанные по плечам спутанной коричневой шалью.

В камере меня уже ждут. Вокруг полная тишина – значит, на этом уровне не осталось ни души: только я и мужчина, невозмутимо, как у себя дома, сидящий

на низком табурете возле койки. Он держит карандаш и постукивает им по желтому блокноту на коленях.

Дверь с жужжанием отъезжает в сторону.

Мужчина встает. Я вдруг чувствую вкус фруктового ароматизатора, а перед глазами всплывают картинки из зала суда в тот день, когда мне зачитывали приговор.

– Доброе утро, – говорит мужчина и жестом указывает на койку. – Садись.

Я медленно подхожу и забираюсь на матрас, поджимая ноги. Мужчина снова впихивается в тесное пространство между унитазом и койкой. Табуретка низкая, колени у него торчат. Я смотрю на исписанный блокнот. Жаль, не могу прочесть ни слова.

– А я вас знаю, да?

– «Старбёрст», – соглашается тот.

Я киваю.

Мужчина морщится:

– Адский тогда выдался денек…

От первого слова меня передергивает – вспоминается все, чему учил нас Пророк, утверждавший, будто ад находится в самом центре планеты и плохие люди целую вечность мучаются там во тьме, слыша крики других истязаемых.

– «Адский» – не то слово.

– Меня зовут доктор Уилсон.

Он протягивает мне пластиковую карточку. На фотографии у него одутловатое лицо, галстук затянут под самое горло, а губы строго поджаты. В уголке даже с

моим уровнем грамотности удается разобрать три буквы: «ФБР».

Так и подмывает спросить, с чего бы ФБР заинтересовалось простыми побоями. Затем я неожиданно вспоминаю, что замешана и в другом преступлении, гораздо более серьезном. Хоть Пророк и лежит сейчас в окружном морге или где-то еще, он все равно никуда не делся. Так и будет всю жизнь висеть у меня за плечом и громыхать цепями, изрыгая желчь, пока вконец не убьет, как и намеревался.

Перевожу взгляд на мужчину. Не знаю, сколько ему лет. Люди здесь выглядят иначе, не так, как в Общине, где холодные ветра и слепящее солнце быстро превращали молодых в старых, а стариков – в покойников.

– Вы детектив?

– Судебный психолог.

Я щурюсь.

– Это как?

– По-разному. Обычно моя задача в том, чтобы разговаривать с людьми.

– Вроде советчика?

– Можно и так сказать.

– Мне советчик не нужен.

Мужчина улыбается.

– Хорошо, что я здесь не за этим.

– И кстати, я не люблю говорить о своих чувствах.

– Я тоже, – соглашается он. – О чем угодно, только не о чувствах.

Этот тип шутит? Джуд частенько пытался вызвать у меня улыбку, и когда ему удавалось, принимался сыпать шутками, будто раздувая угли и заставляя хихикать так, что эхо разносилось по всему лесу, затыкая птиц. В Общину я потом возвращалась ближе к ночи, украдкой, чтобы никто не заметил улыбки в уголках губ.

Зря я думаю про Джуда. Мужчина в камере не спускает с меня взгляда.

– Зачем я нужна ФБР?

– Местная полиция больше не занимается расследованием событий в Общине. Дело передали нам.

– То есть… это… – я машу между нами культей, – это все из-за Общины? Из-за Пророка?

– Из-за тебя. Мы в ФБР внимательно изучили твое дело. Мое начальство, как и тюремный комендант, сочли приговор слишком суровым и решили, что ты заслуживаешь особого отношения. Меня назначили следить за твоим психическим здоровьем, пока ты находишься в заключении.

– Так вы здесь из-за моего психического здоровья? – спрашиваю я. – Или чтобы собрать против меня улики? Я прошла через суд и знаю, чем зарабатывают люди вроде вас. Вы просто хотите залезть мне в голову.

Мужчина смеется.

– О, в этом уже нет необходимости. Я все понял о тебе еще в ту минуту, когда ты зашла в зал суда с конфеткой во рту.

* * *

Отец учил меня, как определить, что тебя обманывают; его уроки весьма кстати сейчас, во время разговора с доктором Уилсоном.

Отец любил делать ставки на собачьих бегах. Казино терпеть не мог – говорил, что ногой туда не ступит, поскольку другие игроки жульничают, а крупье подтасовывают карты. А вот бега ему нравились, потому что там все зависело лишь от его интуиции и проворства собак и никто не мог обманом отобрать с трудом заработанный выигрыш. Иногда он брал меня с собой, обычно ночью, когда запахи желтого пива били в нос, а металлическое сиденье холодило ноги. Вокруг больших прожекторов кружили стаи белых мотыльков, норовящих подобраться ближе к лампе.

– Почему они лезут к свету? – однажды спросила я у отца.

– Потому что они думают, это солнце, – ответил тот. – Они не видят разницы.

Именно там отец рассказал мне, как распознавать ложь. У вруна всегда тоскливое выражение глаз, и его байки слишком складные. Потом отец такие разговоры не заводил. Но я ничего не забыла. Потому что все, о чем он рассказывал, слишком сильно напоминало о Пророке.

– Так в чем ваша цель? – спрашиваю я доктора Уилсона.

– Помочь тебе. Просто помочь. Зря не веришь.

– Конечно, – говорю я. – Чему тут верить? ФБР мне помогать ни к чему.

– Чего же, по-твоему, мы хотим?

– Узнать, кто убил Пророка.

Доктор Уилсон выразительно вскидывает бровь.

– С чего ты решила, будто его убили? С чего решила, будто Пророк вообще умер?

Я тут же принимаю равнодушный вид, хотя наверняка он видит, что я беззастенчиво вру.

– Тебя ведь не было в Общине, когда начался пожар, – продолжает доктор Уилсон. – Именно так ты говорила полиции при аресте.

– Ну, раз говорила, значит, так оно и есть.

Я склоняю голову набок. Та ужасно тяжелая от всей той лжи, которую приходится городить. Скрестив на груди руки, я морщусь.

Доктор Уилсон указывает на меня карандашом.

– Болят? Руки?

– Иногда бывает, – признаюсь я.

– Может, тебе сделают пару бионических протезов. Есть такие, – говорит он. – Технологии развиваются прямо на глазах.

– Да, было бы здорово, – соглашаюсь я.

– Правда?

– Конечно. С ними было бы намного легче.

Доктор Уилсон хмурится, вздергивает подбородок и что-то строчит на желтой бумаге. Я хочу прочитать, но буквы не складываются в слова. Закрыв глаза, гадаю, как же мне обманывать людей вроде него – вооруженных карандашами и бумагой. А у меня из оружия один лишь рот, который вдобавок приходится держать на замке.

Когда я открываю глаза, доктор Уилсон все еще пишет.

– Вы откуда? – спрашиваю я.

– Из Вашингтона.

Название города ни о чем мне не говорит, кроме того, что находится он где-то далеко.

– Вы приехали только ради меня?

Доктор Уилсон кивает.

– Вот вы, наверное, обрадовались… Посреди зимы сорваться из дома и отправиться на другой конец страны, чтобы допросить преступницу.

– Во-первых, допрашивать тебя я не буду. Как уже сказал, у меня иная цель – понять тебя. И кроме того, я сам вызвался.

– Неужели?

– Я уверен, что смогу тебе помочь. Или хотя бы попробовать.

Я выразительно поднимаю перед собой руку.

– Пожалуйста, не говорите так больше.

Долгое время стоит тишина. Доктор Уилсон вздыхает.

– Знаешь, чем я занимаюсь каждый день? – спрашивает он. – В чем заключается моя работа? Большую часть времени я провожу в компании преступников. Самых отъявленных злодеев на свете. Выясняю, где они врут, какие вопросы им можно задать, чтобы вытащить сокровенные тайны, как обратить их мысли против них самих же. Каждый день я решаю задачки. Вот в чем моя работа. Воспринимать этих прожженных бандитов как очередную головоломку и не видеть в них людей.

– Почему же вы тогда не бросите?

– Потому что мне это нравится – ломать барьеры, залезать в голову и выводить самых умелых лгунов на чистую воду. Это крайне интересное занятие. Но я не умею ничего такого, с чем не справился бы хороший компьютер. Я больше не сочувствую людям. Не помогаю им.

– То есть я для вас – вроде отпуска?

Доктор Уилсон улыбается.

– Можно и так сказать.

– Ха!

– Что?

– Ничего. Просто вдруг напротив вас сейчас сидит человек похуже всех этих ваших «прожженных бандитов».

– Не верю.

– Само собой, – говорю я, облокачиваясь на стену. – Мне никто не верит.

Доктор Уилсон долго глядит на меня, словно принимает какое-то решение.

– Ты, кстати, была права, – произносит он вдруг. – Пророк мертв. Как тебе новости?

Я удивляюсь:

– Вы же говорили, что не любите обсуждать чувства.

– Да, разумеется. – Порывшись в портфеле, он достает толстую пачку документов. – На днях пришли результаты вскрытия. Только бумагу зря потратили… – Доктор Уилсон читает с листа: – «Погибший сильно пострадал от огня. Верхняя часть тела практически уничтожена. Образцов легочной ткани недостаточно, чтобы сделать заключение о содержании в них частиц дыма. Установить, умер ли погибший вследствие пожара или до него, не представляется возможным»… Да и следователи подкачали. Обнаружили остатки горючего вещества, но, по их словам, это вполне могло быть средство для обработки соломенных крыш от дождя, поэтому в суде как доказательство не пойдет.

Мне становится чуточку легче дышать.

– То есть вы даже не уверены, что есть смысл в расследовании?

– В этом я как раз таки уверен.

– Но почему?!

Доктор Уилсон вытаскивает из портфеля небольшой конверт и достает из него фотографии.

– Моя работа отчасти заключается в том, чтобы анализировать места преступлений, – говорит он. – В Общину попасть я не смог: снега нанесло слишком много, и следователям пришлось идти на снегоступах. Но мне передали снимки, которые там сделали.

На фотографиях видна Община, какой она стала после пожара – черный пепел на снегу и густая марля дыма. Невольно вспоминается запах горящего спирта с полынью и жившие внутри саманных стен жучки, отчаянно ползущие подальше от невыносимого жара.

Доктор Уилсон раскладывает фотографии веером на моем матрасе.

– Двор окружали двенадцать построек. Когда начался пожар, жильцы успели выбежать из домов, прежде чем крыши рухнули им на головы. Все: старики, дети… все до единого. Кроме Пророка. А ведь у него было время спастись. Почему же он остался в доме?

Я старательно делаю вид, будто не знаю ответа.

– Думаю, что к началу пожара он уже был мертв, – продолжает доктор Уилсон. – Пророка нашли рядом с его кроватью, он лежал лицом вниз. Мягкие ткани уничтожены огнем, но убийство все равно оставляет свой след. Тем не менее судмедэксперт не обнаружил ни ножевых, ни огнестрельных ранений, ни тупых травм. Содержимое желудка тоже проверили: яда не нашли. Почему же он лежал на земле?.. – Доктор Уилсон многозначительно разводит руками. – При столь подозрительных обстоятельствах неизбежно возникает вопрос: «А может, у него были враги?» Хотя в случае Пророка очевидно, что врагов у него было предостаточно.

– Почему вы так думаете? – спрашиваю я. – В Общине никто не смел ему перечить.

Никто, кроме меня.

– Он очень жестоко обращался со своей паствой, – говорит доктор Уилсон. – Многие прихожане наверняка не раз втайне желали ему смерти.

– Вы совершенно их не знаете!

– Полагаю, ты тоже их не знаешь.

Я стискиваю зубы. Так и подмывает сказать, что речь идет о людях, которые по приказу Пророка дубасили детей толстенными палками и выдавали юных дочек замуж за стариков. Речь о людях, которые насмерть забили Джуда, превратив его в груду мяса и костей. Тело даже пришлось укрыть простыней, потому что женщин от его вида тошнило.

Я вжимаю позвоночник в бетонную стену за койкой.

– Почему вы так сильно хотите знать правду?

– Потому что я уверен: хранить подобные тайны нельзя. Ложь со временем отравляет душу. А еще я хочу справедливости. И – для себя – разгадать эту загадку. Наконец помочь тебе. Уж поверь, я говорю совершенно искренне.

Я опускаю подбородок на грудь и рассеянно гляжу в пол.

– Чего вы хотите взамен?

Доктор Уилсон склоняет голову.

– А что ты можешь предложить?

– В августе мне исполнится восемнадцать, и тогда встанет вопрос об условно-досрочном освобождении. Мне будут нужны рекомендации.

– Хочешь, чтобы я высказался в твою пользу?

– Может, мы сумеем договориться.

Он щурится.

– А что будет, если никто не выступит в твою защиту?

– Возможно, если я буду вести себя прилично, меня выпустят и без рекомендаций. Или, скорее, переведут в колонию для взрослых, где я досижу остаток срока.

– Похоже, тебе есть что терять.

– А вам, похоже, нужны ответы.

– Твои знания в обмен на мои рекомендации?

Я киваю. Доктор Уилсон глядит на меня. Интересно, сумеет ли он прочесть по моему лицу, что я никогда не скажу ему всей правды? Я выдам свою версию событий, правдоподобную, но не более того – и ни за какие блага не расскажу, что происходило в те дымные январские минуты, когда я стояла над Пророком и глядела, как тот испускает последний нечестивый вдох.

– Ладно, – Уилсон кивает. – Договорились.

– Пожала бы вам руку, но…

Он улыбается.

– Итак, – говорю я. – С чего начнем?

Глава 9

Раздается звонок к обеду, и тюрьма вновь наполняется звуками.

– Давай в другой раз, хорошо?

Доктор Уилсон захлопывает блокнот.

– Вы же только что пришли, – удивляюсь я.

– Вернусь потом, ближе к концу недели.

Я выхожу из камеры вслед за ним и иду в другую сторону, но невольно поглядываю Уилсону в спину. Тот уходит прямиком на свободу. Он может, а я – нет. И поэтому, кажется, я чуточку его ненавижу.

В столовой ищу взглядом Энджел в толпе девчонок с хмурыми лицами и такими кулачищами, что мурашки бегут по коже. Без рук мне с ними не справиться. Энджел рассказывала, что некоторые могут сделать оружие из чего угодно – из заостренного куска пластика, отломанного от корзины в прачечной, или из болта, выкрученного из табуретки в классе. Причем, если дело дойдет до драки, одним ударом не обойдется. Одна будет тебя держать, а другая – колошматить, как отбивную.

Входит Энджел, и оранжевое море тел перед ней расступается. Она сидит за убийство первой степени, здесь таких мало, поэтому даже здоровячки с бычьими глазами поглядывают на нее с опаской.

Многие замечают меня впервые только сейчас – и пялятся, будто на диковинку. Можно подумать, никогда не видели людей без рук или ног.

Я становлюсь в очередь за Энджел. Та на ходу читает книгу в красной обложке. Я спрашиваю, о чем книга, но Энджел даже не поднимает глаз.

– Слишком сложно объяснять, – бросает она.

– А ты попробуй.

Она задумывается.

– Ты про Марс знаешь?

Я пожимаю плечами.

– Так вот, некоторые считают, будто нам надо отправиться туда. Улететь с Земли.

– Там должно быть лучше? – спрашиваю я.

– По идее, да.

Мы сворачиваем к прилавку, где заключенные протягивают подносы раздатчицам за пластиковой перегородкой. Мой поднос ждет меня в уголке – с едой, которую я смогу всосать через соломинку или закинуть в рот культями.

Почти у самого прилавка в очередь передо мной вклинивается высокая девица, и я теряю Энджел из виду. По спине бегут мурашки. Я оглядываюсь – позади стоят арестантки, злобно щурящие глаза и переминающиеся с ноги на ногу.

Я трогаю девушку впереди культей.

– Дай пройти.

Та, не глядя, отдергивает локоть, саданув меня по щеке. Я смаргиваю слезы и осматриваюсь в поисках охраны. Однако их не видать.

Наклонившись вбок, я ищу взглядом Энджел.

– Встать в строй! – раздается громкий окрик сержанта Проссер.

Она из тех немногих надзирательниц, которые требуют обращаться к ним строго по регламенту. У нее копна жестких рыжих волос, которые Проссер всегда стягивает пластиковой заколкой на макушке.

Я шагаю назад. Очередь движется до ужаса медленно, и когда наконец я добираюсь до прилавка, то подхватываю поднос культями и бегу за столик к

Энджел.

– Уймись, больная! – шипит та. – Тебя никто не тронет на виду, когда кругом охрана.

Я качаю головой и предплечьем трогаю щеку, где от острого локтя уже наливается синяк.

– Да не бледней ты так, – морщится Ангел. – Хватит пялиться по сторонам. И не таращи глаза.

– Не получается… – жалобно говорю я.

– Не такие уж они и страшные. Видишь вон ту? – Энджел кивает на русую девушку, которая, склонившись над подносом, кладет горошины на язык и глотает одну за другой, будто таблетки. – Это Венди. Ее потом ждет Биллингс, тюрьма для взрослых. Она сдуру призналась в суде, что избила восьмилетнего соседа-пацана бейсбольной битой. А ведь ее могли и не посадить – доказательств не хватало. Многие сами признаю?тся. Хотят доказать свою правоту. Или полицейские говорят, что тогда их отпустят. Хотя надо быть полной идиоткой, чтобы поверить в такую чушь. – Энджел глотает большой комок картофельного пюре. – Эти девчонки – они типа паиньки. Почти все накачаны аддераллом[1 - Аддералл – стимулятор центральной нервной системы, используется при лечении синдрома дефицита внимания и гиперактивности. – Здесь и далее прим. пер.] так, что и ходить не могут, не говоря уж о том, чтобы лезть в драку. Реальных психов сюда не пускают, почти все время держат в лазарете.

– Тебе-то проще, – говорю я. – Тебя здесь все боятся.

– Вот и ты дай повод.

– Ты крутая. Им до тебя далеко.

Энджел ковыряет вилкой маленький кусок пирога и задумчиво отправляет его в рот.

– Это единственная причина, по которой здешние тебе не нравятся?

– В смысле? – спрашиваю я.

Она косится на меня исподлобья.

– Такое часто бывает. Когда сюда сажают очередную деревенскую тихоню.

Она широким жестом обводит комнату, и я понимаю, что тем самым Энджел хочет показать, насколько здесь разные девочки: порой с размалеванными губами или густо намазанными ресницами.

– Скажем так, мне не в первый раз достается соседка по камере, которая шарахается от собственной тени.

– Я их разглядываю не потому, что мне страшно, – говорю я. – Просто… За все эти годы я ни разу не видела людей, настолько на меня не похожих. Пророк утверждал, что те, кто на нас не похож, – это зло во плоти.

Энджел кивает.

– Да, многие так думают.

– У меня был знакомый мальчик, – неуверенно начинаю я и понимаю вдруг, что говорю слишком тихо – меня не слышно за гомоном в столовой, но повышать голос я не смею, потому что это неправильно – возвращать Джуда к жизни в подобном месте. – Он жил в лесу. Я встретила его, когда мне было четырнадцать.

Энджел опускает пластиковую вилку.

– Он был твоим парнем?

Я киваю, хотя у нас это называлось иначе.

– И он был черным? – уточняет она с едва заметной опаской.

Я снова киваю.

– И что с ним стало?

Энджел спрашивает так, что понятно – она и сама уже догадалась.

Я гляжу в голубые крапинки в ее глазах, в хмурые складки на лице и произношу вслух. Шепотом:

– Они его убили. Думаю, что они его убили.

Глава 10

Ночь, когда мы встретились, была теплой; звезды жарко горели в небе. Я неслась через лес, ничего не видя за слезами. Мне недавно исполнилось четырнадцать, и в тот день я решила, что обязательно сбегу.

Я знала, что буду первой, кто покинет Общину. Пророк утверждал, будто наша маленькая поляна защищена самим Господом и если кто уйдет, язычники примутся травить его ядовитым газом, выслеживать тепловыми приборами и загонять, как зверя; он говорил, что на каждом телеграфном столбе в любом городе висят плакаты с нашими лицами. Говорил, будто каждому язычнику знакомо имя Минноу Блай и они беспрестанно ее проклинают.

В тот вечер я поссорилась с Вивьен, третьей женой моего отца. Уронила тарелку во время мытья, и Вивьен опять принялась качать у меня под носом пальцем и отчитывать: мол, пора бы уже думать о замужестве, но такую неряху ни один мужчина не возьмет в жены.

– Вот и славно, значит, замуж я не выйду! – объявила я.

Вивьен напомнила, что главная задача кевинианки – быть примерной супругой. Если женщина не хочет заводить семью, зачем она вообще рождалась на свет? Я гневно отшвырнула тряпку, потому что знала: все остальные думают так же.

От бега нечем было дышать. В боку нещадно кололо. Пришлось замедлить шаг и перевести дух.

По мертвым сосновым иглам я ступала почти бесшумно, но он все равно меня заметил – тот мальчик, который сидел на крыльце незнакомой хижины. Я никогда, по крайней мере с пяти лет, не встречала людей вроде него – чтобы так же легко водили плечами, снимая иголки со старой сосновой ветки, чтобы сидели босиком с пыльными ногами в одних лишь домотканых штанах и чтобы кожа была такой густо-коричневой. Окно в мир, прежде бывшее размером с булавочную головку, стремительно распахнулось. Я уставилась на незнакомца во все глаза, упиваясь видом его безупречного подбородка и высоких бровей, безмятежно изогнутых, будто он никогда не был свидетелем Божьего гнева.

Повисла тишина; мы, не произнеся ни слова, стояли как вкопанные, чувствуя напряжение в спине. Мальчик изумленно морщил лоб, а я разинула рот.

– Ты что, из тех сектантов? – спросил он наконец.

Я сердито поджала губы.

– Никакие мы не сектанты!

– Мой папа так не думает.

– Ну, мне, наверное, виднее!

Юноша окинул меня взглядом.

– А ты, кстати, похожа на сектантку.

Я опустила глаза на подол своего синего платья, собранного у манжет и талии, и, смущенно поправив на голове белую шляпку, парировала:

– А ты похож на оборванца. У тебя что, нет ботинок?

– Есть. Просто не люблю носить их без крайней необходимости. – Парень зарылся пальцами в опавшие иглы. – Тебе нельзя здесь находиться. У нас по всему

периметру висят таблички: «Частная территория», «Посторонним вход запрещен». Ты что, не видела?

Я вспомнила черные и красные знаки, прибитые к деревьям железнодорожными шипами.

– Видела.

– А почему не ушла? Читать не умеешь?

Я втянула в рот нижнюю губу и стиснула зубы.

– Не умеешь? – тихо повторил он.

– А ты умеешь?

– Конечно. Меня мама научила.

– У тебя есть книги? – спросила я, невольно шагая ближе.

– У нас две Библии.

– Что за Библии?

– Ты не знаешь, что такое Библия?

Парень разинул рот, показав маленький скол на переднем зубе.

– Не знаю, – ответила я. – Иначе не спрашивала бы.

– Это большая книга с рассказами, которую написал Господь.

– У нас тоже такая есть. Книга Пророчеств.

– В Библии не только пророчества, там еще и истории.

– В Книге Пророчеств истории тоже есть, – сказала я. – Про Чеда и Золотого медведя, и Эрика, обращающего кровь в золото, и про Виктора, укравшего у демона туфли из фазаньего пера, в которых была заключена его сила. И… и про Маркуса, первого мужчину, взявшего в жены трех женщин, рожденных из одного каштанового ядрышка, и…

Джуд затряс головой.

– Это все выдумки.

– Никакие не выдумки! Маркус сотворил пшеничные поля из белых волос первой жены, деревья – из русых волос второй жены и огонь – из рыжих волос третьей. Без него у нас не было бы ни пшеницы, ни деревьев, ни огня!

– В Библии ничего такого нет.

– И что?

– Значит, этого не было. Сказки, в общем.

Я опешила. Еще никто не осмеливался так говорить. Если наши истории – неправда, выходит, Пророк ошибается. Эта мысль сродни кощунству. Господь воззвал к Пророку много лет назад, исцелил его от астигматизма и астмы, и ему больше не требовался ингалятор. Я сама, своими глазами видела, как он взял пожелтевшие от старости очки и стиснул в кулаке, ломая дужки. Пророк был олицетворением чуда.

– Ты… ты не понимаешь, что несешь, – пробормотала я. – Это твоя Библия – сказки.

– Нет! Там чистая правда, и если ты сомневаешься, значит, ты не христианка.

– А я и не христианка. Я кевинианка.

– Чего? – удивился парень.

– Так называется наша вера. По имени пророка Кевина.

– Вашего пророка зовут Кевин? Тогда это точно выдумки!

– Тебе откуда знать, а? Ты-то свои истории наверняка сам придумал!

– Нет. Мне рассказывал папа, а он никогда не врет!

Одна из кудряшек упала ему на лоб, и парень сердито ее откинул. Я поджала губы, еле сдерживая хриплый сумасшедший смешок. Я ведь осмелилась заговорить с чужаком. Более того, спорить с ним… Как непривычно. И удивительно!

– То есть ты даже не сам выбрал себе веру? – спросила я. – Просто согласился со всем, что рассказывает тебе папа?.. А у нас многие сами решили. И не верят слепо каждому слову родителей.

Говорить о том, что все мои убеждения так или иначе навязаны взрослыми, я, разумеется, не стала.

У парня вытянулось лицо.

– Я во всем должен слушаться папу, – тихо произнес он.

В глазах у него появилась такая тоска, что я невольно отступила на шаг. Не тоска даже, а глухая, застарелая боль. Я не могла знать, что в тот момент Джуду было не до меня – он вспомнил про дыру в черепе у матери и горькую вонь выстрела.

– Мне пора, – тихонько обронила я. – Меня будут ругать, если хватятся.

– Ладно, – сказал Джуд. – Может… может, еще увидимся?

Ухо обдало сквозняком – словно холодным дыханием Пророка.

Мне нельзя было разговаривать с людьми вроде Джуда. Он язычник, чужак, а значит, нечестивец и желает нам смерти.

И что хуже всего, он райманит. Пророк не раз предостерегал насчет людей, давно отринувших Бога и погрязших в пучине зла.

Вот только с этой минуты для меня все изменилось. Джуд вовсе не казался мне чудовищем.

Я разжала до боли сведенный кулак и махнула рукой.

– Да. Увидимся.

Глава 11

– Опять воспоминания замучили? – спрашивает Энджел.

Я поворачиваюсь к ней.

– Ты о чем?

– Тебе никто о них не говорил, да? Что будут воспоминания. Что будешь смотреть в потолок, увидишь какое-нибудь пятнышко и мыслями вернешься в родной дом. Услышишь звуки, почуешь запахи… И все из-за случайной мелочи. Забав- но, да?

Она лежит на койке, прижимаясь затылком к стене и скрестив ноги, так что я вижу грязные подошвы ее носков.

– Вся хитрость в том, чтобы выбрать, – добавляет Энджел. – Постарайся вспоминать только хорошие моменты, потому что всякие гадости сами хлынут в голову, причем в самую неподходящую минуту.

Я киваю. Почти каждое утро я невольно вскакиваю, чтобы отправиться в дом на дереве – там меня ждет Джуд. Энджел наблюдает за мной поверх книги и, судя по глазам, читает все мысли, что проносятся в голове: дом сожжен, лиственница срублена, а Джуда я больше никогда не увижу.

* * *

Джуд часто говорил, что отец может процитировать на память любую строчку из Библии. Со временем это начало его бесить, но в момент нашей встречи он говорил об отце с гордостью. Должно быть, считал его святым – как и я своих родителей.

После той случайной встречи я каждый день ходила его искать, но днем лес выглядел иначе, тени падали по-другому, а деревья словно уменьшились в размерах. Удача улыбнулась лишь неделю спустя, когда я уже несколько часов бестолково бродила в зарослях, гадая, не привиделась ли мне хижина в ночи и странный мальчишка. Я прислонилась к стволу, переводя дух. Лес гудел от насекомых, а птицы испускали мощные трели, словно празднуя нечто великое, не просто радуясь очередной съеденной букашке. Я закрыла глаза и прислушалась.

Музыка. Богом клянусь – до меня донеслась музыка! Впервые за долгие годы. Она у нас была под запретом. Вытягивая шею, я зашагала на звук и вышла к мшистой старой лиственнице. Там, высоко на ветке, свесив одну босую ногу, с гитарой в руках сутулился Джуд.

У концерта не было слушателей – лишь он сам да птицы с деревьями и прочие обитатели леса.

И теперь мне горше вдвойне – потому что все, что там было, осыпалось пеплом и больше никто не сыграет лесу мелодию. Вот в чем настоящая трагедия.

– Привет! – крикнул Джуд.

Я открыла глаза.

– Привет.

Держа гитару за гриф, он спрыгнул с дерева. Я заметила, какие мозолистые у него пальцы – наверное, от частого перебирания струн. С тех пор я часто за ними наблюдала – как он трет глаза или приглаживает отросшие волосы. Отчего-то его пальцы вдруг стали очень важны. Если он умеет вытворять ими

такое – то, может, способен и на что-то большее? Какие еще таланты он в себе таит?

– Ты умеешь сочинять музыку? – спросила я.

Джуд кивнул.

– А кто тебя научил?

– Мама, – коротко ответил тот.

– А твоя мама… Она у тебя одна?

– Что значит одна? Конечно. А у тебя что, больше?

– У меня четыре.

Джуд скривился.

– Куда так много?

– Кто сказал, что много?

– Никто. Это факт, все знают.

– Если потеряешь одну, остальные три ее заменят.

– Мою маму никто заменить не сможет, – очень серьезно сказал Джуд.

Мне стало не по себе, будто я нечаянно шагнула на край пропасти.

– Ты здесь живешь один?

– Только я и папа.

– Ни братьев, ни сестер?

– Никого. А у тебя, наверное, их навалом?

Я кивнула.

– Значит, скучно не бывает, – добавил Джуд.

Я покачала головой.

– Они почти все маленькие. А взрослые у нас давно все вышли замуж. Знаешь, ты… ты, наверное, первый мой ровесник, которого я встретила.

Джуд задумчиво почесал подбородок о гитару. Видимо, ему тоже не доводилось общаться с девочками моих лет.

– Почему ты живешь в лесу? – спросила я.

– Я здесь родился. Мама с папой пришли сюда задолго до моего рождения. Папа рассказывал о людях, которые живут там, в городе, о том, как у них все пропитано дымом и химикатами. Человек не должен жить в подобной грязи. А здесь, – он обвел рукой цветущий лес вокруг нас, – все именно так, как задумал Господь.

– Пророк тоже так говорит.

– Думаешь, это правда?

– Конечно! – Я пожала плечами. – Так и должно быть. Пророк говорит, что Господь живет в звездах, а в городе их совсем не видно. А еще если хорошенько приглядеться, то ночью в лесу можно заметить ангелов. В городе их не бывает.

– Ты их видела – ангелов?

– Конечно, видела!

Не знаю, почему я соврала. Каждую ночь я всматривалась в темный полог деревьев, даже в те секунды, когда шагала из дома в Зал Пророчеств, но ни разу не заметила ни малейшего всполоха крыльев, ни проблеска сияющей кожи. Ни разу.

Среди деревьев царила тьма.

Глава 12

– Констанс, Джеридайа, Риджент, Пейшенс, Хершиль, Эймос, Лиа, Элиезер, Пруденс, Тобин, Сайленс, Эфраим, Соломон, Халла, Евстафий, Гидеон, Марта, Либерти.

– Ты кого-то пропустила.

– Что?

– Всего восемнадцать назвала, – поясняет Энджел. – А говорила, у тебя девятнадцать братьев и сестер.

– Ой!

Я прижимаюсь затылком к бетонной стене и начинаю мысленно перебирать свою родню, сортируя по матерям. Донна Джо с короткими руками и толстыми пальцами. Вивьен, от которой дети унаследовали темные глаза и волосы. Мейбл – той было всего семнадцать, когда ее выдали за отца. И моя мать. Вообще мы не должны были знать, от кого родились, но ее отпрыски выделялись в толпе светлыми кудряшками и васильковыми глазами. Я единственная, кто уродился не в нее.

– Вирчи, – говорю наконец. – Забыла Вирчи. У нее очень странные глаза, никогда таких не видела. Светло-голубые, почти белые. Когда она родилась, все решили, что она мертвая. У нас такое часто бывало. И лишь потом, через пару минут, она задышала. Но даже не заплакала и вообще не издала ни звука. Только глаза открыла и уставилась прямо перед собой.

Вспоминается мать – как та скорчилась после родов. Красно-синее тельце лежало у нее между ног на утоптанном земляном полу, под полотнищем родильной сорочки, скомканной на коленях.

– Говорить она так и не научилась, – добавляю я.

– А врачам ее что, не показывали? – спрашивает Энджел.

– Мать просила, но… – Я замолкаю. – Отец и слышать не хотел. Сказал, мы сами выбрали такую жизнь, давным-давно.

Я невольно гляжу туда, где пару дней назад сидел доктор Уилсон. На блестящем стальном полу мне мерещится его табурет. Всякий раз, когда я думаю о судебном психологе, о той правде, за которой он приходил, становится не по себе. Без Пророка всем будет лучше. Как он этого не понимает?

– Что такое? – спрашивает Энджел, пристально на меня глядя.

– Тот агент ФБР… – говорю я. – Все жду, когда он снова придет.

– Может, повезет, и он больше не объявится. Эти парни хорошо умеют запугивать, но когда дело доходит до главного, тут же ныряют в кусты.

– Нет, он обязательно вернется. Он ищет того, кто убил Пророка. Начали расследование.

Энджел приподнимается на локте.

– А зачем ты ему понадобилась?

– Чтобы я рассказала, кто убийца.

Она смотрит на меня во все глаза – они у нее жуткие и желтые, совсем как лепестки льна.

– А ты скажешь?

Я трясу головой, к горлу вдруг подкатывает желчь. Я несусь к унитазу и выплевываю один за другим комки рыжей кислой слизи. Потом прижимаюсь лбом к холодному стальному ободку и чувствую, как рядышком на корточки садится Энджел.

– Вспомнила, как он умер, – шепчу я.

Энджел не торопится уходить – я вижу краешком глаза ее тень.

– Это ты его убила?

Я зажмуриваюсь. Вопрос рвет меня изнутри на части. Потому что я спрашиваю себя о том же. Это я? Я его убила?

– Эй! – говорит Энджел. – Не смей.

Я поворачиваю к ней голову и морщу лоб.

– Не смей чувствовать себя виноватой. Он получил по заслугам.

– Никто не заслуживает смерти.

– Смеешься, что ли? Еще как заслуживает! Если всю жизнь издеваться над окружающими, рано или поздно получишь свое. Так и знай.

– Я боюсь, – говорю ей шепотом.

– Ты признавалась? Хоть намеком?

– Нет.

– Вот и славно. Не говори ни слова. Особенно копам и всей их братии. Следователям, адвокатам, судьям… Все они гнут свою линию. Им нужно только одно – найти козла отпущения. А тут гляньте-ка, чокнутая девица, которая просрала свое будущее… Как думаешь, почему я здесь? Почему здесь все остальные? Только дай им повод – они и тебя запрут до конца дней.

Я неохотно киваю, понемногу приходя в себя.

– Ты просто защищалась. В этом нет ничего плохого, – тихо говорит Энджел. И еще тише добавляет: – Не дай им сделать то, что сделали со мной.

Глава 13

Доктор Уилсон объявляется пару дней спустя – зажимая, как и в прошлый раз, под локтем блокнот и улыбаясь во все зубы, будто безмерно счастлив находиться в моей камере за решетками.

– Расскажи про Джуда Лиланда.

Я до боли прикусываю язык.

– Откуда вы знаете про Джуда?

– Ты же говорила о нем полиции, забыла? После операции.

Я морщу лоб, пытаясь вспомнить дни, проведенные в больнице.

– Да, приходил один детектив…

– Он отметил в протоколе, что ты говорила о каком-то юноше, Джуде. Я немного покопался, побеседовал кое с кем из ваших жен. Они рассказали, что в вечер пожара ты приходила в Общину с молодым человеком. Но по документам его не существует. У него нет ни свидетельства о рождении, ни номера социальной страховки, ни медицинской карты.

– Он родился уже в лесу.

Доктор Уилсон кивает.

– Итак, значит, последний раз ты видела Джуда в день, когда случился пожар?

– В день, когда его убили, вы хотите сказать?

– А ты уверена, что он мертв? – спрашивает доктор Уилсон. – В Общине, конечно, нашли человеческие останки, однако пока установили личность только одного погибшего – Пророка. Как я понял, у вас там случались и естественные смерти. Люди умирали и прежде, до пожара: от старости или при родах. Одну девочку задрали в лесу звери… Мы не знаем наверняка, что Джуд мертв.

– Вас там не было, – выдавливаю я. – Вы его не видели.

– Между прочим, – неуверенно начинает доктор Уилсон, – многие жены и даже кое-кто из детей утверждают, будто ты, Минноу, тоже погибла в огне.

Я вздрагиваю.

– Ну вот же я, сижу перед вами, разговариваю.

– Твой младший брат Хершиль, например, не верит, что ты жива. Он клялся, будто своими глазами видел, как ты бросаешься в пламя. Именно ты, потому что у погибшей не было рук.

В животе тревожно екает.

– Хершилю всего шесть лет. Вряд ли он помнит, как я выгляжу.

Уилсон многозначительно глядит на меня и деловито складывает ладони домиком.

– Мне вот что интересно… Ты сдружилась с Джудом просто так или, скорее, в пику родным? С человеком, который, по вашим убеждениям, олицетворяет собою истинное зло?

Я пристально гляжу на него.

– Значит, вы уже знаете про райманитов?

Тот кивает.

– Любопытная, кстати, история. Кевинианцы, с которыми я беседовал, поведали ее во всех красках. Как Райман взбунтовался, взяв в жены девушку другой веры, а потом ослушался отца и отказался ее убить… В наказание Дух Божий покинул его тело, навеки обуглив кожу.

– И теперь потомки Раймана обречены до скончания веков носить эту печать и таить в сердце бесконечную злобу, – завершаю я.

– Выходит, ты сознавала, что твоя семья никогда не одобрит Джуда?

– Я дружила с ним не ради бунта, если вы об этом. Я дружила с ним, потому что он такой, какой есть.

– И все же позволь уточнить. Ты замечала, какого цвета у него кожа?

– Конечно, замечала! Что за глупый вопрос?

– Почему глупый?

– Потому что… Потому что я же не слепая! Как я могла не замечать, когда мы общались чуть ли не каждый день?

– Тебя воспитывали в ненависти к темнокожим людям.

Я в раздражении дергаю плечом.

– Я ненавижу тех, кто меня так воспитывал.

– Кстати, а когда ты первый раз это поняла? Когда заметила, что дела в Общине обстоят не совсем гладко?

– Не думаю, что можно назвать какое-то конкретное событие, – после паузы говорю я. – За один раз от своей веры не отречься.

– Тогда расскажи про какой-нибудь случай. Когда, например, ты поняла, что не согласна с остальными?

Я прикусываю пересохшую губу.

– Та девочка, про которую вы говорили, будто ее задрали в лесу звери…

Доктор Уилсон кивает.

– Ты про Роберту Холлуэй? Ее мать сказала, что это, скорее всего, был гризли.

Я мрачно хмыкаю:

– Гризли?..

Протягиваю руку и культей указываю на блокнот.

– Берите карандаш.

* * *

Первое лето в Общине выдалось лучшим в моей жизни. Мне было всего пять, и я благоговела перед Пророком. Меня окружали сильные, как на подбор, мужчины и умелые женщины. Даже тела наши, казалось, испускают святое сияние. Из земли на глазах выползали тысячи колосьев кукурузы. Мужчины вырыли пруд с коричнево-илистой водой. Мы облачились в новые грубые одеяния.

А еще увидели первую смерть.

Берти было всего шестнадцать. Светлые волосы, складка на верхней губе… Отчего-то жены называли ее «вульгарной». Она вечно выставляла шею напоказ и слишком громко разговаривала. В городе у Берти остался парень, и родители притащили ее в Общину силком.

Донна Джо, вторая жена моего отца, уже носившая к тому времени одного из моих братьев, как-то раз велела принести из пруда воды. Еле таща за собой ведро, я вдруг заметила под ивой на берегу Берти – та сидела, склонившись над чем-то на коленях. Разинув от удивления рот, я подошла ближе и увидела, что Берти бережно, словно драгоценное сокровище, поглаживает страницы книги.

– Это же грех! – выдохнула я.

Берти подняла голову:

– Минноу, иди куда шла.

– Где ты ее взяла?

– Нашла.

– Здесь нет книг! – возмутилась я.

Берти вздохнула.

– Ладно. Я привезла ее с собой.

– Что, прямо из города?

– Откуда же еще? Конечно, из города. И не вздумай никому рассказывать!

– Но это запрещено! Господь тебя покарает!

– Думаю, Господу без разницы.

– Девушки не умеют читать.

– Я умею читать с трех лет и никогда уже не разучусь. И плевать, чего хотят другие. Хоть Пророк, хоть сам Господь.

Берти в тот момент приняла на удивление строгий вид. Когда вспоминаю ее, всякий раз вижу это выражение у нее на лице – как будто за глазами таится необъятное пространство. И понимаю, что возникло оно благодаря книге.

– А о чем там пишут? – робко спросила я, подходя ближе.

– Сперва ты должна поклясться, что никому не расскажешь. Никому, даже родителям!

Набрав полную грудь воздуха, я выдохнула:

– Клянусь!

– Тогда иди сюда.

Я села рядом на густой мох, ползущий к самому краю пруда. Воздух звенел от птичьих трелей и жужжания пчел.

– Это называется сказки. Помнишь такие?

– Наверное… – неуверенно ответила я.

– Давай прочитаю тебе одну.

Берти открыла книгу и со знанием дела принялась листать страницы. Их края пожелтели от пальцев, касавшихся бумаги на протяжении долгих лет.

– Господи, – выдохнула я.

Букв оказалось так много, что голова шла кругом. А еще к каждой истории была нарисована черно-белая картинка, изображавшая королей, гномов или русалок. На некоторых девушки прижимались губами к рыцарю. Это значит, они целовались; это значит, они были влюблены. Не помню даже, когда я последний раз видела такую любовь!..

Берти прочитала мне одну сказку, потом, поддавшись уговорам, вторую, третью… Так пролетел целый час.

– Это все было взаправду? – спросила я.

– Нет, просто выдумки для детей.

– А почему они злые?

– И вовсе они не злые! – строго сказала Берти, нахмурив брови. – Это Пророк так говорит. Он не хочет, чтобы мы умели читать. Ведь тогда мы сможем вывести его на чистую воду.

Тем летом Берти обучила меня буквам, поэтому я могу разобрать некоторые слова, если они не очень длинные и сложные. Научиться остальному я не успела – мать нашла книгу у нее под подушкой и отнесла прямиком Пророку.

У Пророка была пара железных туфель. Просто два стальных бруска с кожаными ремнями по краям. Один из дьяконов положил туфли в очаг и дал раскалиться докрасна. Когда их поднимали щипцами, во все стороны сыпанули искры. Люди столпились во дворе, чтобы посмотреть.

Дьяконы втиснули Берти ногами в туфли. Она прыгала по двору, вопя от боли; кожа лопалась, и вокруг расползался запах паленой плоти, дымный и мертвый. Когда Берти упала, Пророк подал знак, и ее снова поставили на ноги, заставляя плясать, и тяжелая коса взмывала хлыстом при каждом прыжке.

Остальные глядели, и по их лицам я ничего не могла понять.

Через несколько дней Пророку был дарован знак жениться на Берти. Он часто брал в жены девушек, которые тем или иным образом нарушили закон, и ему всегда удавалось их усмирить. В день свадьбы Берти сломалась. Возле повязок у нее на ногах жужжали мухи. Пророк безгубо улыбался.

– Пробил час! – гулко пел он.

– Господь услышит нас, – тихо вторила ему Берти.

Ноги у нее в конце концов зажили, но она так и осталась хромой и поникла всем телом. Несколько недель спустя, когда Пророк читал очередную проповедь на улице, Берти встала, оглядела нас, застегнутых на все пуговицы, укрытых шляпами, и заковыляла прочь. Я единственная видела, как она проходит между деревьями и теряется в тени. Однако говорить ничего не стала, пусть даже каждую минуту Берти могла погибнуть от пуль язычников. Отчего-то мне казалось, что там ей будет безопаснее, чем с нами.

Когда ее хватились, глаза у Пророка стали похожи на сжатые кулаки. Он велел найти ее и вернуть любой ценой.

Вскоре Берти притащили обратно. Я мельком, в мешанине тел, увидела ее лицо. На первый взгляд оно показалось обычным, но потом я заметила другую щеку – ее ударили с такой силой, что череп буквально смяло, как скорлупу.

Больше всего меня поразило то, что никто не произнес ни слова.

* * *

Мы знали, что за грехи неизбежно ждет наказание, хотя Берти досталось сильнее многих. Вначале было трудно. Люди заносили руку для удара неуверенно, будто преодолевая в духе сомнения.

Тогда сомнениям еще оставалось место – мы только привыкали к холоду, грязи и к тому, что значит быть святым.

Когда я впервые рассказала про Берти Джуду, тот нахмурился.

– А что сделают с тобой, если поймают в лесу?

– Я ведь не сбежала.

Моя семья знала, что я люблю долгие прогулки, но я всегда возвращалась и исправно выполняла все обязанности по дому, поэтому мои отлучки не вызывали лишних вопросов. Обычное дело для многодетных семей. Многие и не замечали, что меня нет.

– А если они узнают, что ты со мной? – спросил Джуд.

– Тогда… тогда меня убьют, – пожала я плечами.

– И ты не боишься? – поразился он.

Положа руку на сердце я бы ответила, что нет. Страх никогда не отпускал нас, но со временем к нему вырабатывался иммунитет. Просто в какой-то момент терпению пришел конец. Перемены были неизбежны; они надвигались как стремительный лесной пожар.

Глава 14

Я спускаюсь в столовую на обед. В дверях стоит Бенни и кивает мне с легкой улыбкой. Бенни мне помогает с самого начала. Наверное, нарочно приставили, или она сама вызвалась, увидев, как в первые дни я шарахаюсь от собственной тени. Обычно у нее в кармане лежит книга в мягком переплете. Я как-то раз поинтересовалась зачем, и Бенни пояснила: на тот случай, если придется сидеть без дела.

– А что ты читаешь? – спрашиваю я, до сих пор изумляясь, что женщины говорят о книгах в открытую, не стесняясь.

– Документальную прозу, – отвечает та. – Сейчас вот попалась работа про Гаитянскую революцию[2 - Гаитянская революция – единственное в истории успешное восстание рабов, произошедшее во французской колонии Сан-Доминго в 1791–1803 гг.].

– Бенни в колледже изучала историю, – поясняет Энджел. – Но затем продалась и пошла на службу к властям.

Я хватаю поднос и несу к нашему обычному столику. Энджел уже сидит там и насмешливо глядит на девочку-азиатку с густой черной челкой.

– Минноу, я так рада с тобой познакомиться! – восторженно объявляет та, когда я подхожу ближе.

Я ее не знаю. Обычно мы с Энджел едим вдвоем.

– Меня зовут Трейси. Просто хотела подойти представиться. Я-то знаю, как здесь бывает жутко. Местные девчонки не очень-то дружелюбны. – Она косится на Энджел. – Что я пропустила?

Подходит еще одна девочка, такая тощая, что ноги у нее как у оленя; ставит свой поднос рядом с Трейси.

– Минноу, это Рашида, – объявляет Трейси.

– Будем знакомы, – говорит та. – А что у тебя с руками?

– Рашида, о таких вещах не спрашивают, – одергивает ее Трейси.

– Это еще почему? Куда-то ведь они подевались. Их же не просто так отрезали. Все думают, маньяк постарался, а я им говорю: нет, Минноу явно из деревни, так что, скорее всего, попала под комбайн.

– Их отрубил мне топором отец, – отвечаю я лишь затем, чтобы посмотреть, как отреагируют на мои слова.

У Трейси перехватывает дыхание, Энджел поднимает глаза от тарелки и заламывает бровь, а Рашида запрокидывает голову и заливается громким смехом, который эхом разлетается по столовой.

– Что, правда? Если б со мной такое случилось, я бы всем рассказывала. Неужели прямо топором? Да уж, это куда интереснее, чем попасть под комбайн…

Я улыбаюсь – потому что когда она так говорит, удержаться от улыбки просто невозможно.

– Мы с Рашидой организовали группу поддержки, – сообщает Трейси. – Приходи к нам на занятия. Мы говорим обо всем, что нас тревожит.

– Думаешь, Минноу будет приятно обсуждать с вами тот факт, что отец отрубил ей руки? – спрашивает Энджел. – Не смеши меня.

– Когда-нибудь, Энджел, – вскипает Трейси, – когда-нибудь и тебя ждет наказание за все твои грехи. И тогда ты пожалеешь!

– Может, и пожалею. – Энджел отодвигает тарелку. – Думаете, я начну молиться? Раскаюсь, как домашняя пай-девочка? – Она складывает руки ладонями вместе. – Растекусь соплями, как перед судьей: мол, простите меня, теперь я буду паинькой? Да ни хрена! Не нужно мне прощение какого-то древнего извращенца, который присовывает девственницам, пока все отвернулись.

Больше никто не произносит ни слова.

* * *

– Почему ты не веришь в Бога? – спрашиваю я у Энджел после отбоя.

Мы лежим на койках; Энджел, судя по полоске желтого цвета у стены, опять читает.

Она долго молчит. Наконец произносит:

– Потому что мне это не надо.

– В смысле? – спрашиваю я.

– Кому-то нужно лекарство от рака. Мне – нет, поэтому я его не принимаю.

Не дождавшись от меня ответа, она вздыхает:

– Я знаю, почему люди верят в Бога. Может, и я бы раньше верила. Люди хотят лучше понимать мир. Найти объяснение, почему все происходит именно так. Когда-то Господь в этом деле здорово помогал. Но он нам больше не нужен.

Я знаю, что она говорит о своих любимых книгах, которые описывают, из чего сделана земля, почему горит солнце и что происходит при ударе молнии. Однако я эти книги прочитать не могу. Пророк не позволял девочкам читать, и поэтому – даже больше чем из-за рук – я чувствую себя ущербной.

– Ты ведь не веришь во всю эту хрень? – спрашивает Энджел. – В Бога и прочее?

Я поджимаю губы. Тишина тянется по темным коридорам тюрьмы.

Когда Пророк рассказывал нам о Господе, мы жили в трейлерах. Были еще не святыми, а обычными шоферами и строителями с детьми и женами в старых платьях. Все мы сидели на стульях в доме с железными стенами, Пророк вещал, а я играла на ковре с алфавитными кубиками. Помню, как держала их в по-детски пухлых пальцах.

Пророк стоял посреди нашей гостиной.

– То, что вы сейчас услышите, может показаться вам странным и удивительным. И весьма непривычным. – Он набрал полную грудь воздуха. – Это история о Господе.

Господа на самом деле звали Чарли. Он родился в Йорке, в Пенсильвании, в тысяча семьсот семьдесят шестом году, летом, когда погода была жарче, чем внутри языческой ракеты, и влажной, словно море.

Чарли был сыном бедного мельника, злого человека с кривой ногой и выжженными войной висками. Совсем еще мальчиком он каждый день ходил в старый скрипучий лес собирать хворост. Однажды наткнулся на ручей, который убегал под землю. Ему захотелось узнать, куда девается вода. Чарли наклонился и заглянул в яму.

И увидел там искру. Отблеск чужеродного света.

Словно зачарованный, он смотрел на мелькавшие перед глазами звезды Вселенной. Видел кольца Юпитера. Побитую и обожженную солнцем корку Марса.

А еще ощутил, как под пальцами воспаряет каждая клеточка каждого живого организма. Будто клавиши пианино. При желании он мог потрогать любую. Мог ею управлять.

Кто-то подумает, будто Чарли просто повезло. Что Богом стал бы каждый, кто проходил в тот день у ручья и в порыве любопытства заглянул в воду. Однако это не так. Чарли был Господом еще до своего рождения. Просто он этого не знал.

Чарли живет в каждом поколении. После смерти он девять месяцев спустя возрождается снова в теле младенца. Вы можете повстречать его в любой момент. Он был солдатом-конфедератом. Кассиром в банке. Сидел за дубовым столом в очках из проволочной оправы и с утренней щетиной на щеках. Готовил матери ужин. Ездил на пляж. Влюблялся.

Однажды Пророк его повстречал. Всего один раз – но этого хватило, чтобы перевернуть всю его жизнь.

То воплощение Чарли носило личину семидесятипятилетнего уборщика из захудалого торгового центра в Огдене. Пророку тогда было семнадцать, ему ужасно захотелось в туалет, и он заскочил в магазин. Чарли там мыл полы, и когда Пророк шмыгнул к писсуарам, тот костлявой рукой схватил его за запястье.

– Осторожнее, парень, – хрипло прокаркал он. – Полы скользкие.

Пророк, мельком заметив бейджик с именем на груди, заглянул Чарли в лицо и увидел глаза – поразительно зеленые, как бутылочное стекло. Подростком он не мог знать, что с тем касанием в его тело влилась невиданная мощь, которая в будущем позволит слышать слова Господа. Он облегчился, вымыл руки и ушел.

И лишь много лет спустя, обнаружив в горах свиток с Божьим посланием, понял, что ощутил на себе в тот день длань Господню. И услышал доносящийся из земли глас, в котором раздавались те же хриплые нотки, что и в голосе старика Чарли.

Мы не знаем, когда умрет Чарли. Это самое слабое место в нашей вере. В любой момент Он может исчезнуть, и тогда мир на какое-то время останется без

защиты.

За день до того, как мы должны были отправиться в лес, Пророк снова нас собрал. Мы облачились в новые платья, синие и непривычно тесные. Мне передалось общее волнение, поэтому я сидела смирно, чинно выпрямив спину и сложив руки на коленях.

Пророк вбежал в двери, заливаясь слезами.

– Почему ты плачешь? – поразился отец.

– Я плачу, дьякон Самуил, – выдохнул тот, – потому что Господь умер!

Все ахнули.

– О да! Он умирал уже много раз. Все вы чувствовали Его боль. Когда Он умирает, скорбит земля. Хаос царит до того момента, пока Он не родится вновь. Пять лет назад великие лесные пожары охватили всю Монтану, и сквозь земную кору пробивалось адское пламя. Когда Господь наконец возродился, разверзлась небесная твердь и залила пожары святой водой. И в мире вновь стало хорошо.

– Значит, Господь вовсе не умер? – спросил дьякон Тимоти.

– Господь всегда и жив, и мертв. Его участь – погибать снова и снова.

– А кто его мать? – поинтересовался дьякон Шон.

– Не важно, кто она. Единственная ее задача – взрастить в своем чреве новое тело для Господа. Это высшее призвание для любой женщины. Каждая из вас должна быть счастлива произвести Господа на свет.

Пророк оглядел сидевших на свернутом ковре детей: мальчики с одного краю, девочки – с другого. И остановил свой взгляд на мне.

– Что, если тебе, сестра Минноу, будет дарована честь произвести на свет Господа? Как тебе такое?

– Было бы… здорово, – выдохнула я. – Хвала нашему Создателю!

Под одобрительным взглядом Пророка в животе затрепетала невиданная прежде гордость. Я оглянулась на родителей. Отец прятал улыбку в недавно отросшей бороде. Мать, глубоко беременная, выводила на животе, туго обтянутом тканью, узоры пальцем. Она не слышала ни слова.

– А Господь живет в нашей стране? – уточнил дьякон Карл.

– Естественно. Он американец.

– А почему он называется Господом, раз на самом деле его зовут Чарли? – спросил дьякон Мартин.

– Он всегда носил это имя. Даже когда звался по-другому.

Никто из детей не задавал вопросов. Я была среди них самой маленькой, но, подстрекаемая недавней хвалой Пророка, отважилась поднять руку.

– Что случается, когда Чарли умирает?

– Не надо называть его так, Минноу, – предупредил Пророк. – Это особое имя. Для особых случаев.

– Что происходит, когда умирает Господь? – поправилась я.

Пророк улыбнулся, сощурив глаза.

– Он рождается вновь.

– Но если Он решит не возвращаться?

– Он всегда возвращается. Это Его великая жертва – жить среди нас и судить человеческие беды вместо того, чтобы раствориться в Великой Вечности.

– А Чар… Господь всегда будет возвращаться? – спросила я.

– Всегда, – сказал Пророк. – Господь – единственный, на кого ты можешь положиться.

И все же я воспринимала Господа как Чарли. Как человека. Это было куда интереснее, чем верить в неосязаемую сущность, в бытии которой нельзя убедиться. Меня никогда не учили математике, даже ее азам, но, освоив счет на пальцах, я поняла, что Чарли должен быть примерно моих лет.

Жизнь до Общины начинала понемногу забываться. Приходилось усилием воли воссоздавать лица людей, которых я могла бы увидеть, если б каким-то чудом спустилась с гор. Где-то там на поезде ехала девушка. Старик в магазине клал в корзину буханку хлеба. Женщина выбирала в шкафу блузку, которую наденет на работу; ткань кораллового цвета будет касаться ее кожи весь день, пока она печатает на клавиатуре или едет на автобусе, пахнущем, как воздух в грозу.

И где-то там жил Бог-подросток. Мальчик с удивительно зелеными глазами. И звали его Чарли. Я могла бы даже повстречать его – если б ушла отсюда. Почему же я не ухожу? Почему никто не уходит?

Спросить вслух я осмелилась лишь долгие годы спустя. Пророк вновь выступал перед нами, на сей раз в добротной деревянной хижине Зала Пророчеств, уютно притаившейся в бескрайнем море вечнозеленых растений. В руках он держал Свиток Спасения и футляр из серебряной фольги, покрытые причудливой вязью из иероглифов на божественном языке, которые он нашел на горе в тот день, когда узнал о своем предназначении.

Я все еще сидела на земле вместе с детьми, но теперь была среди них самой старшей. По бокам, слева и справа, примостились мои сводные сестры: Пруденс и Лиа. Констанс пряталась сзади и порой теребила мне косу кончиками пальцев.

– Почему мы не живем в долине? – спросила я. – Ведь там живет Бог. Почему мы не рядом с Ним?

– Будем, сестра Минноу, мы обязательно будем с Ним, – ответил Пророк. – Он даст нам знать, когда придет время.

– Как?

– Это решать Ему.

– Значит, сейчас не узнать, когда нам дозволено будет к Нему вернуться? А если мне к тому времени будет уже за восемьдесят? Или я вообще умру…

– Не дерзи! – прошипела третья жена моего отца, Вивьен.

Скрипнули сухие деревянные скамьи – десятки взрослых позади меня заерзали на местах.

– Ты здесь не пленница, Минноу, – спокойно заявил Пророк. – Ты вольна уйти в любой момент, если захочешь.

Я судорожно сглотнула. Неправда. Я знала, чем обернется побег. Вспомнилась Берти с мертвыми глазами и ее измятое, словно перезрелый персик, лицо.

– Нет-нет, я не хочу… Просто волнуюсь перед встречей с Господом…

Пророк улыбнулся и изящным жестом распростер руки в стороны.

– Все мы волнуемся! Так ведь?

Собравшиеся в зале как один согласно кивнули.

Пророк снова повернулся ко мне.

– Надеюсь, Минноу, ты дождешься Его зова. Мы – избранные. Святые пророки небес. И будем щедро вознаграждены за исполнение Божьей воли. Ты не просто встретишься с Ним. Ты будешь каждый вечер вкушать пищу за Его столом. Он омоет тебя и исцелит. Одарит Своим непостижимым зеленым взглядом, и ты будешь навеки спасена.

Глава 15

В Общине я вставала очень рано, чтобы подоить коз и взрыхлить совком грядки, посеять семена или выкопать созревшие овощи. Я привыкла просыпаться еще до рассвета, поэтому теперь каждый день бездумно открываю глаза в одно и то же время, когда воздух только окрашивается красками зимнего утра и тюрьма еще спит. Иногда сквозь решетки доносятся сдавленные рыдания, но чаще бывает тихо и спокойно; можно запросто забыть про охранников с колючей проволокой и представить, что вокруг ничего нет, кроме тебя и собственной души.

Впрочем, в шесть утра каждая люминесцентная лампа вспыхивает, ударяя светом в глаза. Мигом поднимается гомон; здешние обитательницы бредут к унитазам и выстраиваются в очередь в душ.

В душевой приходится раздеваться догола, и чужие взгляды беззастенчиво обшаривают места, которые я привыкла прятать.

На всеобщее обозрение выставляются шрамы, обычно прикрытые оранжевой робой: отметины от хлыста, оставшиеся на спине после бесчисленных порок в детстве, и толстые полосы красной рубцовой ткани, охватывающие обе лодыжки. Впрочем, бросая украдкой взгляды по сторонам, я тоже замечаю на чужой коже сеточки от сигаретных ожогов, красные сморщенные ножевые раны и тонкие белые линии на предплечьях. Тут мои шрамы воспринимаются как нечто совершенно обыденное. Наверное, у каждой здешней девушки прежде был свой Пророк.

Потом следует завтрак: жидкая овсянка и сок из пакетика. И очередь за таблетками.

Из столовой к кабинету медсестры ведет длин- ный коридор. Там в маленьком окошке каждой выдают бумажный стаканчик. Девушки по очереди подходят к окну, берут лекарства и с размаху закидывают в глотку белые, синие и красные кружочки.

Настает черед Энджел. Ее стаканчик полон едва ли не доверху. Она высыпает его содержимое в рот и с хрустом пережевывает.

– Не проще ли проглотить? – удивляюсь я.

– Так быстрее подействует, – отвечает та. – Тем более аддералл по вкусу как «Скиттлз».

Мне полагается только одна таблетка – зато большая и в крапинку, будто яйцо.

Энджел в сотый раз спрашивает, что это.

– Точно не риталин[3 - Риталин – стимулирующее лекарственное средство, которое используется для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности, и нарколепсии.]. И не ксанакс[4 - Ксанакс – противотревожное средство для лечения панических расстройств, неврозов или социофобии.]. Может, торазин[5 - Торазин – антипсихотическое средство, которое оказывает выраженное седативное действие; ослабляет или полностью устраняет бред и галлюцинации, купирует психомоторное возбуждение, уменьшает тревогу, беспокойство, понижает двигательную активность.], но тебе-то он зачем?

Я в ответ отмалчиваюсь. Не хочу ей говорить. Женщина-врач, которая осматривала меня по приезде, сказала, что обязательно нужно принимать этот препарат каждый день.

– Не вздумай никому продавать таблетки, – строго предупредила она.

Врач пояснила, что я слишком медленно расту – видимо, от недоедания. Велела обязательно съедать все, что дают в столовой, а еще каждое утро пить витамины в большой дозировке, как бы больно они ни обдирали горло.

Мы идем обратно в камеру. Таблетки, похоже, уже действуют – Энджел становится более веселой и разговорчивой, чем обычно.

– Думаю, настала пора преподать тебе урок, – объявляет она.

– Какой еще урок?

– Жизни в тюрьме. – Она плюхается на пол. – Первым делом ты должна уяснить, что все здесь делятся на банды. Девчонки предпочитают торговать и держаться вместе. Проще всего с мексиканками. Если раздобудешь лак для ногтей, чтобы им, сразу с ними поладишь. Не вздумай связываться с метамфетаминщицами! У

них все мозги набекрень, только и твердят, что о своей химии – как будто она здесь в магазине продается… Стоит вежливо напомнить, что они вообще-то за решеткой, как им совсем сносит крышу. Короче, они больные сучки.

– А ты с кем?

– А я ни с кем. Лесби в целом нормальные, просто держатся сами по себе. На занятиях мы иногда пересекаемся. Они всегда исправно делают уроки, читают книжки, и все такое. В общем, пытаются наладить жизнь. Хотя тоже себе на уме. Короче, не знаю… Здесь нет никого, с кем можно было бы спокойно поболтать по душам.

– А как же я?

Энджел качает головой.

– С тобой еще неясно. Я пока не решила.

– Как будто у тебя есть варианты и ты можешь меня прогнать, если надоем.

– Могу. Просидишь здесь столько же, сколько я, – тоже начнешь командовать.

– А тебе сколько еще сидеть?

– Не лезь.

– Что?

– Не твое дело. Это личное.

– Угу, личное, – хмыкаю я.

– Что тебя не устраивает?

– Господи, я слышу, как ты ночами писаешь в унитаз. Какие тут могут быть личные дела?

– Поэтому я предпочитаю держать в тайне все, что только можно. Не все такие болтушки, как ты.

– Ладно, секретничай, Пиписька, – хмыкаю я. – Теперь буду так тебя называть. Сама напросилась.

Энджел щурится – видимо, хочет улыбнуться, но тут же берет себя в руки.

– Вот что еще важно, – продолжает она. – Пора уже сменить словарный запас.

– Это как?

– Хватит разговаривать таким тоном, словно ты в церкви. Здесь так не говорят. «Господи!» – передразнивает она. – Как будто ты из машины времени вылезла.

– Но я не знаю никаких ругательств.

– Я тебе сейчас целый список составлю!

Энджел встает, вырывает листок из тетрадки и огрызком карандаша выводит пять или шесть слов. Потом протягивает мне.

– Я не умею читать, – приходится напомнить ей.

– Даже буквы не знаешь?

– Не все.

Энджел задумчиво кривит губы.

– Ладно, давай так.

Она тыкает пальцем в первое слово и произносит его по слогам, заставляя повторить. Сердце колотится – не только от того, что изо рта вылетают дьявольские слова, но и потому, что меня впервые учат читать после Берти.

– Просто запомни, и все будет хорошо.

– Почему ты мне помогаешь? – спрашиваю я.

– Чтобы потом меньше болела голова. Если влипнешь в беду, не хлопай ресницами и не жди от меня помощи. Потому что я в твои дела лезть не буду. И еще одно. Если не понимаешь, о чем речь, молчи. Не говори ни слова. Иначе точно влипнешь.

– Например?

– Ну, например, если делают так… – Она складывает пальцы в круг. – Так спрашивают, не лесби ли ты.

– Что?

– Не нравятся ли тебе девочки. А еще могут спросить, как тебя зовут. Если Бритни – значит, тебя хотят завалить в койку, потому что так называют сучку, с которой можно переспать. Кэнди – трусиха, а Триша – у которой есть чем торговать.

– Господи, – ошеломленно шепчу я.

Просто голова идет кругом.

Энджел выразительно хмурится.

– То есть… – Я зажмуриваюсь, вспоминая ее список. – Вот дерьмо!

– Уже лучше.

– Я, наверное, никогда в жизни не рискну спросить, нравятся ли кому девушки, – говорю я. – Как думаешь?

– Без вариантов, – хмыкает Энджел.

– Вообще-то я пошутила, – отвечаю я. – Ты когда-нибудь смеешься? Даже я смеюсь, хотя у меня больше поводов для грусти, чем у тебя. Штук, наверное, десять…

Я поднимаю руки и выразительно гляжу на отсутствующие пальцы.

Энджел продолжает, не слушая:

– Скоро тебе придется решать, к какой банде прибиться. Думаю, лучше всего тебе будет с христианками.

– Я не христианка.

– И что? Тебе с ними явно по пути. Религия у тебя все-таки в крови. Уж поверь, спустя неделю начнешь цитировать Книгу Иова и рассказывать мне о деяниях Иисуса. Я через это проходила…

– Тебя тоже воспитывали в вере, да?

Энджел кивает.

– Да, у нас в семье все были верующими. Особенно… дядя.

Я не спрашиваю, тот ли это дядя, за убийство которого она сидит.

– А как они выглядят – христианки?

– Как Трейси, – говорит Энджел. – Ну, ты поняла – словно все время притворяются.

– В смысле?

– Те, которые глупышки, принимают всё за чистую монету, потому что напуганы и всерьез хотят прощения. А те, что поумнее, корчат из себя святош, чтобы получить свое условно-досрочное. Вот и вся религия. Сплошной расчет.

– Ты уверена?

– Я вижу врунов насквозь. Они все такие. Лгут всегда, даже самим себе, – добавляет Энджел вполголоса. – Уж это они умеют, как никто другой.

Глава 16

Я иногда задумываюсь: а зачем вообще нужна тюрьма? Она же не способствует правосудию. У Филипа Ланкастера не срастутся быстрее кости оттого, что я заперта здесь, да и я не исправлюсь. Это лишь наказание – чтобы я могла посидеть, поразмыслить над тяжестью своих проступков. Почувствовать, как поджимает сердце всякий раз, когда вспоминаю кровь Филипа на свежем снегу; помучиться угрызениями совести за то, что по моей вине случилось с Джудом и Констанс.

«Ты не сделала ничего дурного», – говорит Энджел, когда я принимаюсь жаловаться, но я-то знаю, что это не так, что всего этого не должно было случиться. И начинаю думать: почему вообще так вышло? Не только со мной, но и со всей Общиной? Отчего наши руки, предназначенные для возделывания земли и молитв, вдруг стали причинять боль?

Ведь изначально предполагалось другое. Мы искренне верили, что изменим жизнь к лучшему.

До переезда в Общину никто не принял бы нас за святых. Мои родители всегда были довольно странными, себе на уме, но я в силу детского возраста не замечала. Дни у меня текли по заведенному расписанию: съесть утром хлопья, посмотреть, как мать стирает белье, дождаться вечером с работы отца. Мать расстегивала молнию на его желтом комбинезоне, и отец вылезал из него как из ракушки, а потом снимал белую от высохшего пота рубашку.

Наш убогий мирок ограничивался трейлерным парком, где стояли машины со всей округи и на пухлых ножках бегала соседская ребятня в замусоленной одежде. Мы собирались у ржавых качелей и помятой горки, которая грохотала всякий раз, когда по ней кто-то скатывался. Смотреть вокруг было не на что:

зимой весь район засыпало бурым снегом, а летом выползали сорняки выше головы. Единственное, что нас радовало, – это вид на горы, такие большие, что замирало сердце от их величия, да старая яблоня в самом центре трейлерного парка.

В тот день, когда отец впервые привел к нам Пророка, листья яблони горели серебром в ярком солнечном свете, а незрелые плоды висели зелеными шарами размером с мой кулак. Я прыгала вокруг дерева, пытаясь дотянуться до самого нижнего – просто чтобы посмотреть, смогу ли достать.

Вдруг появилась чья-то рука и сорвала яблоко. Черенок был еще зеленым, крепким. Незнакомцу пришлось дернуть так сильно, что дерево вздрогнуло и замахало ветками, словно в порыве гнева.

Надо мной нависло лицо мужчины с каменными глазами, который, весь заросший бородой, глядел на меня сквозь пожелтевшие толстые очки. Совсем непримечательный на вид, как любой пузатый папаша в округе, гонявший на древнем пикапе и на полную громкость смотревший телевизор.

– Вот, возьми, – сказал незнакомец, держа яблоко за черенок.

Я протянула руку, и он положил яблоко мне в ладонь. Я растерянно погладила твердый бочок.

– Ты же не будешь его есть? – спросил вдруг незнакомец. – Оно неспелое. И совсем невкусное.

Он выхватил яблоко у меня из рук, закинул в рот целиком и, уставившись на меня, громко захрустел мякотью.

Сетчатая дверь со скрипом отворилась. На заднем крыльце стоял отец. Он сказал нечто очень странное. Что этот человек – святой. Что я должна во всем его слушаться. И верить каждому его слову.

Потому что он разговаривает с самим Господом.

Глава 17

Я шагаю на обед вместе с Энджел и Рашидой. С некоторых пор я спокойна даже без Энджел. Местные обходят меня стороной – во многом, как ни странно, из-за ботинок.

Из-за рук мне выдали ботинки на липучках, а Энджел сказала, что их дают тем, кому нельзя носить обычную для тюрьмы обувь. Тем, кто может убить за один лишь косой взгляд. Тем, кому не положены шнурки, потому что они запросто могут на них повеситься или использовать как удавку.

– Рашида, а почему ты не ешь куриные наггетсы? – спрашивает за обедом Энджел.

Я гляжу в свою миску с водянистым томатным супом, потом на поднос Рашиды, где лежит лишь горка капустного салата и кусочки фруктов.

– А тебе какое дело? – огрызается та.

– Потому что обычно ты ешь как не в себя, а куриные наггетсы здесь самое съедобное.

У Рашиды блекнет улыбка.

– Я как-то раз бывала в тюрьме, где одного парня только что ударило током. Навещала дядьку в Дип-Лодже. В общем, пропекся бедняга настолько, что провоняли все стены, причем пахло именно жареной курицей, как у нас в день наггетсов.

Энджел на мгновение проникается серьезностью момента, но потом вдруг хохочет:

– Брешешь! Ты никогда не бывала в Дип-Лодже.

– Бывала! И чувствовала, как пахнут мозги, запеченные прямо в черепушке!

– Это у тебя, Рашида, мозги давным-давно запеклись.

– Чтобы ты знала: учителя меня хвалят, – парирует та. – А мисс Бейли говорит, что у меня уникальное мышление, которое нельзя оценить стандартными мерками.

– Она права. Ты ненормальная, – соглашается Энджел.

– А кто такая мисс Бейли? – перебиваю я.

– Учительница чтения, – поясняет Рашида.

Я знаю, что ко мне уже присматриваются, пытаясь понять, готова ли я к учебе. Днем здесь совершенно нечем заняться – только и остается, что глазеть на решетку. Энджел принесла мне из библиотеки пару комиксов; я давно их прочитала, хоть и не поняла половину текста. Иногда Рашида из соседней камеры говорит, какая за окном погода, или Бенни поддается уговорам и рассказывает о книге, которую нынче читает (обычно о совершенно незнакомых мне местах или событиях) – но в основном я предоставлена самой себе, своим мыслям и воспоминаниям.

Больше всего на занятия в школе, не считая уроков с Берти, походили те светлые, пахнущие зеленью дни в Общине, когда Пророк собирал детей возле пруда и зачитывал нам из Книги Пророчеств истории про мудрых верующих, облаченных в золотые перья, которые разили адских демонов-язычников мечами, сотворенными из Божьего света.

Однажды, когда мне было лет восемь или девять, Пророк, как обычно, позвал детей на урок. Констанс шла рядом, держась за мою руку, точно маленькая. Мы уселись возле пруда. Вдалеке мужчины стучали топорами, а моя мать шумно дышала через нос, глядя в темную воду. Больше от нее не было проку, поэтому ей поручали следить за детьми во время уроков.

Пророк из-под широкой мантии извлек книгу.

– Не забредайте в земли язычников, ибо они оскорбляют Бога своими искусствами, которые не дают Ему покоя, и танцами, которые ломают тело в

кривых движениях; ибо они оскверняют веру злыми писаниями, которые подвергают все деяния Господа, как и само Его существование сомнению и критике.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Аддералл – стимулятор центральной нервной системы, используется при лечении синдрома дефицита внимания и гиперактивности. – Здесь и далее прим. пер.

2

Гаитянская революция – единственное в истории успешное восстание рабов, произошедшее во французской колонии Сан-Доминго в 1791–1803 гг.

3

Риталин – стимулирующее лекарственное средство, которое используется для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности, и нарколепсии.

4

Ксанакс – противотревожное средство для лечения панических расстройств, неврозов или социофобии.

5

Торазин – антипсихотическое средство, которое оказывает выраженное седативное действие; ослабляет или полностью устраняет бред и галлюцинации, купирует психомоторное возбуждение, уменьшает тревогу, беспокойство, понижает двигательную активность.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ouks_stefani/svyaschennaya-lozh

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить